У 445/427

А. Кауфманъ.

КЪ ВОПРОСУ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ

РУССКОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва — 1907.

А. Кауфманъ.

У1 445/427

КЪ ВОПРОСУ

О ПРОИСХОЖДЕНІИ

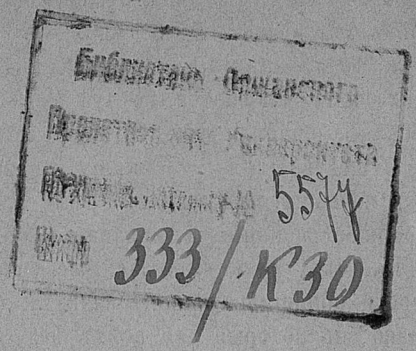
РУССКОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ.

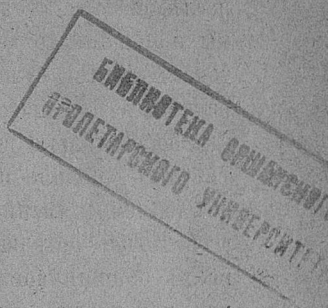
Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва — 1907.

ВОЛОГОДСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
имени
В. Н. ДОБРИНИ
3/300-38
П.117869
ИСПОРЧЕНО

III

I.

Что такое русская земельная община, со свойственными ей уравнительными формами? Исконная ли это характерная черта русскаго, вообще славянскаго племени, вытекающая изъ «первоначальной идеи единства общины и равенства права каждаго члена на соотвѣтственную долю земли»? Или же эта, нѣкогда существовавшая, первобытная община на Руси была безповоротно разрушена вторженіемъ постороннихъ индивидуалистическихъ элементовъ, современная же русская община «устроена правительствомъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ государственныхъ началъ»? Вотъ уже полвѣка, какъ длится этотъ споръ, и посейчасъ противоположные, взаимно исключающіе другъ друга, взгляды находятъ одинаково многочисленныхъ и авторитетныхъ сторонниковъ. Одни попрежнему думаютъ, что «происхожденіе крестьянской общины слѣдуетъ объяснять расширеніемъ круга родовыхъ отношеній», возникновеніе уравнительныхъ формъ—естественною эволюціей, при которой захватный способъ постепенно «превращался въ общинное землевладѣніе со свойственными ему краткосрочными и долгосрочными передѣлами» (Лаппо-Данилевскій); по убѣжденію другихъ «не только нѣтъ возможности вывести современную общину изъ какихъ-либо первобытныхъ общественныхъ формъ, но даже есть полная возможность показать ея позднее сравнительно происхожденіе и раскрыть создавшія ее причины»: современная русская община—не что иное, какъ навязанная крестьянству извнѣ «принудительная организація, связывающая своихъ членовъ круговымъ обязательствомъ въ исправности отбыванія платежей и повинностей, поздній и въ разныхъ мѣстностяхъ разновременный продуктъ владѣльческаго и правительственнаго вліянія» (Милюковъ).

Но на-ряду съ этимъ, несомнѣнно основнымъ, вопросомъ приходится поставить еще и другой вопросъ: *что такое, въ сущности, сама община*, и въ какомъ отношеніи она стоитъ къ общинному праву, въ частности—къ общинно-уравнительному землепользованію? На первый взглядъ тутъ нѣтъ

и не можетъ быть никакого вопроса, а поскольку можетъ быть вопросъ, онъ разрѣшается съ безспорною ясностью: конечно, *общинное* право—это продуктъ *общины*, община есть нѣчто предшествующее общинному праву,—*она* творитъ и развиваетъ это право. И въ связи съ этимъ взглядомъ пзслѣдователи, стоящіе на точкѣ зрѣнія самопроизвольнаго развитія общины и общиннаго землевладѣнія, стараются, во что бы то ни стало, найти доказательства существованія общины даже и тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ видимыхъ признаковъ существованія общиннаго права, — даже тамъ, гдѣ безраздѣльно царитъ первобытный захватъ. Даже и тамъ они констатируютъ «полное и всеобщее сознаніе и признаніе общиннаго права», объясняемое именно тѣмъ, что «лично захваченные участки представляютъ только островки среди обширнаго района захвата, общее, равное для всѣхъ общинниковъ право на который для всѣхъ безусловно и твердо»; уже при такомъ первобытномъ захватѣ «міръ», выступающій формально только въ качествѣ судьи при взаимныхъ столкновеніяхъ, въ дѣйствительности «фигурируетъ уже и хозяиномъ земли» *). Община, творящая общинное право, община, предшествующая этому послѣднему, имѣетъ свои корни въ сѣдой старинѣ. Первобытная форма общежитія—это родовая группа, въ основаніи которой лежала «кровная связь, вытекавшая изъ происхожденія данной группы лицъ отъ одного дѣйствительнаго или воображаемаго родоначальника»; современная община—продуктъ разложенія такого рода первобытныхъ формъ: этотъ процессъ разложенія «создавалъ въ однихъ случаяхъ такъ называемыя семейныя общины, въ другихъ—общины все менѣе и менѣе родовыя, все болѣе и болѣе территоріальныя,—путемъ созданія новыхъ дворовъ по сосѣдству съ старинпымъ получала начало обыкновенная сельская община» **). Процессъ разложенія, такимъ образомъ, переплетается съ процессомъ сложенія—но *какое мѣсто, какая роль* принадлежитъ тому и другому процессу, это остается темнымъ и загадочнымъ.

И нельзя не признать, что вопросъ о генезисѣ общины—разсматривать ли его съ точки зрѣнія взаимоотношенія между самопроизвольной эволюціей исконныхъ бытовыхъ формъ и внѣшними вліяніями, или съ точки зрѣнія самой сущности этой самопроизвольной эволюціи—представляетъ огромныя трудности для своего разрѣшенія; рѣшеніе его, можетъ быть, никогда не послѣдуетъ въ окончательной формѣ, устраняющей всѣ сомнѣнія и контроверзы. Въ чемъ коренной источникъ этой трудности и, можетъ быть, неразрѣшимости вопроса—на этомъ я имѣю въ виду остановиться въ концѣ предлагаемаго вниманію читателя очерка: въ данную минуту мнѣ достаточно констатировать эту огромную трудность вопроса, поскольку таковой не выходитъ изъ предѣловъ историческаго изученія: мы, несомнѣнно, стоимъ передъ наглухо закрытою дверью, пока изучаемъ да-

*) *Качоровскій:* „Русская община“, изд. 1-е, стр. 125—129.

**) *И. Н. Миклашевскій*, въ *Энцикл. Словарѣ* Брокгауза, полут. 47, стр. 186—187.

лекое прошлое русскаго крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія, и если намъ и удается напасть на узкую трещину въ этой наглухо закрытой двери,—мы видимъ чрезъ нее только расплывчатыя, неясныя и сбивчивыя очертанія.

И вотъ, на помощь намъ, при установленіи генезиса русской земельной общины и русскаго общиннаго права, является «методъ переживаній»,—является «живая исторія общины», изученіе типовъ и эволюціи землевладѣнія и землепользованія, какъ эти типы могутъ быть наблюдаемы въ настоящее время, какъ эта эволюція происходитъ на нашихъ глазахъ. Я затрудняюсь сказать, дастъ ли эта «живая исторія» ключъ, при помощи котораго окажется возможнымъ настежь открыть закрытую наглухо дверь, или говоря проще—позволитъ ли она дать безспорный, неопровержимый отвѣтъ на вопросъ о генезисѣ русской земельной общины; но не можетъ подлежать сомнѣнію, что она дастъ или даже уже даетъ возможность пріотворить закрытую дверь, заглянуть въ довольно широкую щелку и сформулировать болѣе или менѣе опредѣленныя догадки о томъ, какова историческая истина.

Но если изученіе «живой исторіи» общинныхъ формъ представляетъ огромный интересъ, то мы, русскіе, поставлены въ этомъ отношеніи въ особенно благопріятныя условія. То, зачѣмъ западно-европейскому изслѣдователю приходится отправляться къ индусамъ или американскимъ краснокожимъ, къ готтентотамъ или ботокудамъ; то, чего имъ приходится доискиваться въ первомъ вѣкѣ до или послѣ Рождества Христова, то у насъ, въ Россіи, можетъ быть наблюдаемо воочію или изучаемо по свѣжимъ воспоминаніямъ. На необъятномъ пространствѣ нашей страны еще посейчасъ можно наблюдать всевозможные бытовые и хозяйственные типы, начиная отъ бродячихъ охотниковъ и рыболововъ или отъ типичныхъ скотоводовъ-кочевниковъ и переходя къ первобытному земледѣлію, отъ первобытнаго земледѣлія—къ тому типу земледѣльческаго и земледѣльческо-промыслового хозяйства, который сейчасъ доживаетъ послѣдніе свои дни въ среднихъ губерніяхъ Европейской Россіи. У насъ, въ Россіи, и посейчасъ можно наблюдать всѣ степени густоты населенія, начиная отъ мѣстностей, гдѣ одна душа населенія приходится на десятки квадратныхъ верстъ, и кончая такими, гдѣ десятки людей приходятся уже на одну квадратную версту. И въ связи съ этимъ у насъ можно наблюдать воочію или изучать по самымъ свѣжимъ слѣдамъ всѣ тѣ фазисы сложенія, по мнѣнію нѣкоторыхъ—и разложенія общины, всѣ тѣ моменты длиннаго процесса развитія общиннаго землевладѣнія и землепользованія, какіе западно-европейскому ученому приходится наблюдать среди первобытнаго населенія заморскихъ странъ или разыскивать въ преданіяхъ минувшихъ тысячелѣтій. Познакомить читателя съ тѣми указаніями, какія можно извлечь изъ этой нашей «живой исторіи» общины—такова задача настоящаго краткаго очерка.

Я начну съ неиспользованныхъ еще пока въ нашей спеціальной литературѣ данныхъ о землевладѣніи и землепользованіи у кочевого и полукочевого населенія, въ изобиліи добытыхъ, за послѣднія два десятилѣтія, мѣстными изслѣдованіями въ Сибири, въ средне-азіатскихъ степяхъ, отчасти въ Закавказскомъ краѣ; эти данныя—читатель увидитъ—представляютъ огромный интересъ, и ближайшее ихъ изученіе, несомнѣнно, должно сильно способствовать раскрытію какъ самаго процесса эволюціи общинныхъ формъ, такъ и движущихъ пружинъ этой эволюціи.

Я не могу, конечно, вдаваться здѣсь въ сколько-нибудь подробную характеристику кочевого быта и хозяйства—мимоходомъ замѣчу только, что и въ этомъ отношеніи новѣйшія русскія изслѣдованія даютъ неоцѣненный, по своему богатству и значенію, матеріалъ. *Чисто*-кочевой бытъ—это такой, гдѣ хозяйство зиждется исключительно на одномъ скотоводствѣ, гдѣ притомъ скотъ содержится круглый годъ на подножномъ кормѣ, и слѣдовательно—гдѣ не существуетъ не только земледѣлія, но даже и сѣнокошенія; а отсюда съ необходимостью вытекаетъ кочевой образъ жизни—правильныя періодическія передвиженія кочевниковъ и ихъ скота, въ зависимости отъ состоянія кормовъ въ разное время и въ разныхъ частяхъ используемой кочевниками территоріи; отсюда вытекаетъ и отсутствіе постоянныхъ жилищъ,—единственное обиталище типичнаго кочевника, идеально приспособленное къ своей цѣли,—это переносная, обыкновенно войлочная юрта. Скотоводство, я сказалъ, единственный источникъ благосостоянія типичнаго кочевника; надзоръ и уходъ за скотомъ—единственный извѣстный ему видъ производительнаго труда,—трудъ, вопреки общепринятому мнѣнію, далеко не легкій и не простой; скотъ—единственный извѣстный ему видъ богатства, единственная форма капитала; на этой почвѣ среди кочевого населенія развивается рѣзко выраженное соціальное расчлененіе, облекающееся, въ значительной мѣрѣ, въ формы родового быта, а по существу носящее въ себѣ ясно выраженные элементы феодально-крѣпостническихъ отношеній.

Таковы существеннѣйшія черты чисто-кочевого быта; но изучать его приходится въ настоящее время уже не столько по непосредственнымъ наблюденіямъ, сколько по свѣжимъ воспоминаніямъ; отъ чисто-кочевого быта, въ настоящее время, сохранились лишь незначительные остатки; то, что мы можемъ непосредственно наблюдать въ настоящее время, — это разнообразнѣйшія переходныя, полукочевыя формы быта и хозяйства, характеризуемыя появленіемъ и болѣе или менѣе значительнымъ развитіемъ земледѣлія и сѣнокошенія, наличностью постоянныхъ зимнихъ жилищъ и сокращеніемъ какъ времени, такъ и размаха кочеванія; это—разнообразнѣйшіе моменты эволюціи, начиная отъ уже исчезающаго чисто-кочевого быта, отъ первыхъ зачатковъ земледѣлія, сѣнокошенія, отъ первыхъ зародышей постояннаго жилища, и кончая такими формами, гдѣ отъ кочевого быта сохранились лишь едва уловимые слѣды, или даже такими, которыя всецѣло могутъ быть подведены подъ понятіе осѣдло-

земледѣльческаго быта и хозяйства, но въ то же время—безъ затрудненій могутъ быть прослѣжены, какъ конечный результатъ многовѣковой эволюціи полукочевыхъ формъ.

И параллельно съ этою эволюціей формъ быта и хозяйства наблюдается крайне постепенная эволюція формъ землевладѣнія и землепользованія; въ тѣсной связи съ появленіемъ и упроченіемъ хозяйственныхъ формъ, предполагающихъ болѣе или менѣе прочную, во всякомъ случаѣ длительную связь хозяйствующаго субъекта съ землею, происходитъ постепенный переходъ отъ свойственной чисто-кочевому быту безусловной неопредѣленности и общности землепользованія, отъ полнаго, можно сказать, *отсутствія землевладѣнія* къ все болѣе и болѣе ясно выраженному и строгому обособленію этого послѣдняго и къ все болѣе и болѣе выработаннымъ формамъ землепользованія, носящимъ все яснѣе выраженный общинно-уравнительный характеръ.

Типъ первобытнаго, чисто-кочевого землевладѣнія—это, повторяю, полное «отсутствіе землевладѣнія», полное отсутствіе какихъ-либо границъ: «Границъ спрашиваешь,—отвѣчали якуты на разспросы Сѣрошевскаго,—а кто ихъ знаетъ! а мы думаемъ такъ: наши земли тамъ, гдѣ наши люди...» Да и откуда было взяться, при чисто-кочевомъ хозяйствѣ, границамъ, когда самое пользованіе угодьями отличалось полною неустойчивостью: смотря по состоянію погоды, кочевники въ одинъ годъ двигались въ одномъ направленіи, въ другой годъ—въ другомъ, не стѣсняясь притомъ не только административными, но даже государственными границами: наши средне-азіатскіе кочевники нерѣдко откочевываютъ въ хивинскія владѣнія, буряты—въ китайскую Монголію, а китайскіе кочевники, случалось, прикочевывали въ нашу киргизскую степь. Но и въ обыкновенные годы, при кочеваніи, такъ сказать, по нормальному маршруту, какъ остановки на тѣхъ или другихъ урочищахъ, такъ и время пребыванія на нихъ изъ года въ годъ мѣняются въ зависимости отъ измѣненія въ разные годы условій погоды. «Въ одномъ году извѣстные кочевники стоятъ на урочищѣ, положимъ, Джалтыръ-куль 2 мѣсяца,— въ слѣдующемъ году тѣ же кочевники могли простоять на томъ же урочищѣ только одинъ день, потому что они задержались въ другихъ мѣстахъ, или потому, что въ моментъ ихъ прихода сюда здѣсь скопилось много кочевниковъ и другимъ не было мѣста»; въ то же время урочище, на которомъ проводила лѣто одна кочевая группа, осенью или зимою сплошь и рядомъ служитъ мѣстомъ стоянки или пастбищемъ другой; при такихъ условіяхъ «въ этотъ періодъ кочевого хозяйства у населенія не возникало и не могло возникнуть понятія о поземельной собственности, даже не появлялось понятія объ исключительномъ правѣ владѣнія. Въ древнія времена, когда китайцы требовали отъ киргизъ подати, они отвѣчали: Небо производитъ траву и воду; скотъ есть даръ неба, пасемъ его и себя пропитываемъ сами, за что же будемъ давать другому?» *).

*) „Матеріалы“ экспедиціи по изслѣдов. Степной области, Кустанайскій уѣздъ, стр. 9—10.

Итакъ, чисто-кочевому быту сопутствуетъ безусловная неопредѣленность и общность землепользованія; вся степь общая, каждый можетъ кочевать и дѣйствительно кочуетъ, гдѣ ему угодно и удобно. И такая общность и свобода кочеванія превосходно уживается съ существованіемъ издавна установившихся, обычныхъ кочевыхъ путей и обычныхъ стоянокъ, которыхъ изъ года въ годъ придерживается каждая родовая группа, за исключеніемъ случаевъ исключительной безкормицы, вообще ненормальнаго распредѣленія урожая кормовъ по территоріи степи. Такіе обычные пути существуютъ не только у отдѣльныхъ, мельчайшихъ кочевыхъ группъ, но и у цѣлыхъ родовъ или болѣе обширныхъ родовыхъ подраздѣленій: вся степь какъ бы разбита на длинныя и узкія полосы, вытянувшіяся на сотни верстъ, въ направленіи либо съ юга на сѣверъ, либо отъ жаркихъ долинъ къ нагорнымъ лѣтнимъ пастбищамъ,—и каждая такая полоса представляетъ собою обычный кочевой путь или районъ кочевокъ той или иной родовой группы. И такое чисто-фактическое, обычное обособленіе кочевыхъ путей и стоянокъ между родовыми группами, при безусловной юридической свободѣ пользованія, было дѣломъ чисто-хозяйственной необходимости: «отдѣльные кочевые аулы, состоящіе обыкновенно изъ 2—5 кибитокъ и составляющіе въ сущности одну большую семью, путешествуя на протяженіи сотенъ верстъ по безлюднымъ и дикимъ мѣстностямъ, естественно должны были придерживаться тѣхъ путей, гдѣ они чаще могли встрѣтить или настигнуть своихъ родственниковъ, которые въ случаѣ какой-либо опасности—нападенія крупныхъ хищниковъ или грабителей изъ другихъ ордъ или племенъ, могли бы оказать помощь или защиту; при обширности пространствъ, находившихся нѣкогда въ пользованіи кочевого населенія, и при относительно ничтожной численности его, интересы всѣхъ и каждаго заставляли поддерживать родственныя связи, какъ единственное средство самозащиты» *).

Повторяю—обособленіе кочевыхъ путей и стоянокъ—первоначально чисто-фактическое, хозяйственное, безъ всякаго юридическаго значенія: каждая кочевая группа, въ виду своего же удобства, передвигается *своимъ* путемъ, но *можетъ* передвигаться и какимъ угодно другимъ, и эта теоретическая возможность претворяется въ дѣйствительность, когда къ тому вынуждаетъ мѣстная безкормица и т. д.

Болѣе опредѣленное обособленіе появляется, прежде всего, на зимнихъ стоянкахъ. Но и здѣсь обособленіе это, въ теченіе долгаго времени, сохраняетъ чисто-фактическій, хозяйственный характеръ; обособляется притомъ не какая-либо опредѣленная, отграниченная территорія, а только *стоянка*—пунктъ, на которомъ воздвигается юрта, и при ней «орысъ»—пространство, служащее для выпаса мелкаго скота. «Признакомъ принадлежности стоянки аулу служитъ пометъ зимовавшаго здѣсь скота, откуда и самое названіе такихъ зимнихъ стоянокъ—«коунъ», т.-е. уплотненный, растоптанный

*) Тамъ же, стр. 10.

пометъ; если киргизъ проведетъ на какомъ-либо мѣстѣ зиму со своимъ скотомъ, оставитъ тамъ коунъ, такъ на будущую зиму онъ имѣетъ право считать эту стоянку своею. По величинѣ «коуна» можно судить о количествѣ спавшаго на немъ скота, а слѣдовательно можно приблизительно опредѣлить и пространство окружающихъ пастбищъ, которыя используются этимъ скотомъ («орысъ»), что въ свою очередь опредѣляетъ мѣстности, гдѣ могутъ быть основаны новыя стоянки («коуны») безъ стѣсненія скота перваго зимовщика и послѣдующихъ».

И уже такое, хотя бы и чисто фактическое, обособленіе зимнихъ стоянокъ является отклоненіемъ отъ первоначально господствовавшаго принципа безграничной свободы пользованія степью,—является слѣдствіемъ надвигающагося «утѣсненія»: «потребность въ такомъ регулированіи землепользованія явилась только тогда, когда значительно сократились зимнія кочевки и многіе хозяева начали ежегодно приходить на одно и то же мѣсто и проводить на немъ нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ»; первый шагъ къ обособленію землевладѣнія сопутствуетъ, значитъ, первому шагу на длинномъ пути перехода къ осѣдлымъ формамъ быта и хозяйства; «ранѣе, когда зимнія кочевки были обычнымъ, господствующимъ явленіемъ, «коуны» не имѣли такого значенія»...

Но вотъ, на мѣстѣ, облюбованномъ для каждогодной зимней стоянки, появляется постоянное зимнее жилище. Вмѣстѣ съ нимъ появляется мелкая селидебная группа—у киргизъ аулъ, у бурятъ хоттонъ и т. п.; это—недѣлимое ни во время зимней стоянки, ни во время лѣтняго кочеванія, соединеніе нѣсколькихъ домохозяйствъ, совмѣстно проводящихъ зиму и совмѣстно совершающихъ кочевку; соединеніе, иногда носящее характеръ большой семьи, объединенной родственною связью, обычно не дальше третьяго колѣна; иногда—скрѣпленное не столько родственною связью, сколько экономическою или соціальною,—нѣчто вродѣ патрона съ «состоящими при немъ» кліентами. Эти мелкія группы, я сказалъ, не раздробляются ни лѣтомъ, ни зимою; но лѣтомъ онѣ, въ видѣ правила, соединяются въ болѣе обширныя кочевочныя группы, по нѣскольку ауловъ или хоттоновъ въ каждой—въ «лѣтніе аулы». «Большая величина лѣтнихъ ауловъ зависитъ прежде всего, конечно, отъ того, что совмѣстная пастьба большихъ стадъ, конечно до извѣстнаго предѣла, обходится дешевле; во-2-хъ, большему числу людей легче уберечь свои стада какъ отъ звѣря, такъ и отъ человѣка; въ-3-хъ, при совмѣстномъ кочеваніи возможенъ обмѣнъ услугами, необходимыми для однихъ и полезными для другихъ; наконецъ лѣтнее время является до извѣстной степени праздникомъ для киргизъ (и вообще для кочевниковъ. А. К.),—въ это же время они дѣлаютъ разныя общественныя дѣла и пріурочиваютъ различныя торжества, почему и предпочитаютъ быть большими группами» *).

И зимнія жилища, и мелкія селидебныя группы появлялись иногда рань-

*) Усть-Каменогорскій уѣздъ, стр. 13.

ше, чѣмъ сѣнокошеніе, иногда, повидимому, одновременно съ послѣднимъ. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ, однако, еще очень долго сохранялъ и сохраняетъ свое значеніе зимній выпасъ скота—такъ называемое тебеневаніе, очень постепенно уступающее мѣсто содержанію на сѣнѣ все возрастающей части скота. Но разъ кочевникъ всю зиму проводитъ на одномъ мѣстѣ и разъ при этомъ скотъ, въ томъ числѣ и мелкій, не могущій уходить далеко отъ загоновъ, долженъ располагать подножнымъ кормомъ, то первенствующею заботою кочевника, на этихъ первоначальныхъ стадіяхъ его осѣданія, является—обезпечить мелкому скоту возможность тебеневанія на непосредственно-прилегающихъ къ зимовкѣ зимнихъ пастбищахъ. Это обстоятельство, прежде всего, отражается на разселеніи: мелкій скотъ, я сказалъ, не можетъ уходить далеко отъ загоновъ; въ предѣлахъ же небольшого радіуса можетъ найтись кормъ лишь для небольшого количества скота, слѣдовательно—для скота, принадлежащаго очень небольшому числу домохозяйствъ; поэтому начинающимъ осѣдать кочевникамъ приходится разселяться по возможности мелкими группами, и лишь постепенно, когда тебеневаніе постепенно вытѣсняется сѣнокошеніемъ, становится возможнымъ образованіе болѣе крупныхъ селидебныхъ группъ. Цифры съ безусловною правильностью подтверждаютъ эту законосообразность: въ южной части, напримѣръ, Атбасарскаго уѣзда, гдѣ скотъ всю зиму проводитъ на подножномъ корму, зимній аулъ состоитъ, въ среднемъ, всего изъ 4-хъ хозяйствъ; въ сѣверной части того же уѣзда, гдѣ сѣнокошеніе сдѣлало довольно значительные успѣхи, средній составъ аула—8, въ Актюбинскомъ уѣздѣ, очень далеко ушедшемъ по пути къ осѣдлымъ формамъ быта и хозяйства,—14 хозяйствъ: «когда мелкій скотъ зимою питается преимущественно сѣномъ, большія поселенія представляютъ извѣстныя преимущества передъ маленькими, и во всякомъ случаѣ нѣтъ необходимости селиться подальше другъ отъ друга», тогда какъ тамъ, «гдѣ скотъ и зимою находится на подножномъ корму, необходимо селиться пошире, чтобы не стѣснять пастьбу скота» *).

Важнѣе для насъ другое обстоятельство—обособленіе прилегающихъ непосредственно къ зимовкамъ овечьихъ пастбищъ,—у киргизъ корыковъ или кой-булюковъ: ихъ берегутъ, «какъ мясо въ сөгумъ»—какъ мясо, оставляемое впрокъ отъ осенней забойки скота; на нихъ вся надежда кочевника «на черный день»,—естественно, что каждый, занявшій зимовое стойбище и построившій себѣ на немъ зимовку, старается обезпечить за собой прилегающіе кой-булюки, стремится обратить ихъ въ свое исключительное достояніе. И въ соотвѣтствіи съ огромнымъ, на данной стадіи эволюціи кочевого хозяйства, значеніемъ угодій этого типа, по отношеніи къ нимъ ранѣе всего появляется строгое обособленіе владѣній: кой-булюки смежныхъ ауловъ отдѣляются другъ отъ друга не только условными естественными (камень, сопка, дерево и т. п.), но даже искусственными граничными знаками,

*) Атбасарскій уѣздъ, стр. V.

въ видѣ кучекъ камня, ямокъ и т. п.; мало того, кой-булюки обособляются даже внутри хозяйственнаго аула, является *подворное* пользованіе овечьими зимними пастбищами, появляются и попытки уравненія ихъ въ случаѣ слишкомъ рѣзко бросающейся въ глаза неравномѣрности ихъ распредѣленія, или при необходимости надѣленія вновь образующихся и обстраивающихся домохозяйствъ. И что̀ крайне любопытно—при прогрессирующемъ «утѣсненіи» границы между хозяйствами и аулами сплошь и рядомъ исчезаютъ: перестаютъ дѣлить, потому что нечего становится дѣлить. Получается такая схема эволюціи пользованія пастбищами этого типа: «въ общинахъ съ земельнымъ просторомъ границы внутри общины не соблюдаются, хотя бы таковыя и имѣлись; съ ростомъ стадъ является необходимость выдѣлить хотя бы кой-булюки, затѣмъ вообще раздѣлить всю землю между аулами и, наконецъ, когда дѣлается еще тѣснѣе, приходится отказываться отъ соблюденія границъ и переходить къ совмѣстному использованію своихъ пастбищъ» *).

Не остаются безъ измѣненія также способы и порядки пользованія всею остальною массою пастбищъ, не вошедшею въ районы непосредственнаго притяженія зимовокъ. Съ появленіемъ постоянныхъ зимнихъ жилищъ, съ обособленіемъ прилегающихъ къ нимъ пастбищъ, съ развитіемъ сѣнокошенія, а затѣмъ и земледѣлія, область обособленнаго пользованія, иначе сказать—такъ называемыя призимовочныя площади, все болѣе и болѣе расширяется на счетъ свободно используемыхъ, по преимуществу лѣтнихъ пастбищъ; происходитъ безостановочный процессъ захвата, подъ ту или другую категорію угодій обособленнаго пользованія, все новыхъ и новыхъ площадей, до того составлявшихъ вольное общее пастбище; возникаютъ все новыя зимовки, распахиваются все новыя пашни, захватываются все новые покосы. Новыя осѣдлости образуются по преимуществу при тѣхъ или другихъ, ранѣе использовавшихся во время лѣтняго кочеванія, водныхъ источникахъ—при доступныхъ для водопоя берегахъ рѣкъ, при озерахъ, колодцахъ и т. п.; но благодаря этому, сплошь и рядомъ, становятся недоступными для кочеванія, за безводностью, во много разъ болѣе обширныя пространства, чѣмъ сколько непосредственно занято подъ зимовки и призимовочныя угодья. Прежде единая и безраздѣльная, всѣми вольно использовавшаяся степь испещряется безконечнымъ множествомъ площадей обособленнаго пользованія, закрытыхъ для кочеванія; для характеристики той степени интенсивности, которой, съ теченіемъ времени, достигаетъ этотъ процессъ, достаточно упомянуть о томъ, что при недавнихъ съемкахъ, производившихся на сѣверной окраинѣ Уральской области, оказалось совершенно невозможнымъ выдѣлить на планахъ общія лѣтовки,—до такой степени онѣ уже испещрены всякаго рода угодьями, вообще площадями, по тому или другому основанію изъятыми отъ свободнаго пользованія. Само собою понятно, насколько такимъ способомъ сокращается

*) Каркарал. уѣздъ, стр. 25.

просторъ для кочеванія: вмѣсто прежней, ничѣмъ, кромѣ собственной выгоды кочевниковъ, не ограниченной свободы кочеванія, для послѣдняго, въ районахъ осѣданія, остаются открытыми только строго опредѣленные, болѣе или менѣе узкіе кочевые пути; для лѣтнихъ стоянокъ остается доступнымъ все меньше и меньше пространствъ, и сплошь и рядомъ кочевники, въ одномъ году лѣтовавшіе со своимъ скотомъ на извѣстномъ урочищѣ, на слѣдующій годъ находятъ здѣсь вновь возникшія зимовки или вновь распаханныя пашни и видятъ себя вынужденными искать какого-нибудь новаго мѣста для лѣтней стоянки. На этой почвѣ не могутъ не возникать и дѣйствительно возникаютъ постоянныя столкновенія между осѣдающимъ населеніемъ и тѣми, кто еще продолжаетъ кочевать; кочевники—мало того, даже скотъ ихъ, не привыкли подчиняться, при пастьбѣ, какимъ-либо ограниченіямъ; удержать стада въ предѣлахъ площадей и проходовъ, оставшихся свободными для кочеванія, чрезвычайно трудно, да кочевники не всегда объ этомъ и заботятся; отсюда—постоянныя потравы, споры и иски изъ-за потравъ, захваты пойманнаго на потравѣ скота, вообще всевозможныя столкновенія, сплошь и рядомъ принимающія болѣе или менѣе острый характеръ. Даже у такого, въ общемъ, мирнаго народа, какъ киргизы, эти столкновенія сплошь и рядомъ ведутъ за собой побоища, угонъ скота и т. п.,—нечего уже и говорить о такомъ краѣ, какъ Кавказъ, съ его всегда вооруженнымъ и привыкшимъ употреблять оружіе населеніемъ, съ его необузданными нравами и съ его традиціями кровной мести: повидимому не можетъ подлежать сомнѣнію, что именно столкновеніе осѣдлаго и кочевого быта создало ту почву, на которой такимъ пышнымъ цвѣтомъ распустились и столь прославившіе Кавказъ разбои, и не менѣе прославившая его племенная и вѣроисповѣдная вражда, въ значительной мѣрѣ сводящаяся къ враждѣ кочевниковъ къ стѣсняющихъ ихъ осѣдлымъ жителямъ и этихъ послѣднихъ—къ нерѣдко разоряющимъ ихъ кочевникамъ. Вѣками выработавшееся, въ условіяхъ чисто-кочевого быта, обычное право оказывается безсильнымъ разрѣшать вопросы, возникающіе на почвѣ столкновенія отживающихъ хозяйственныхъ формъ съ новыми, нарождающимися; отсюда неизбѣжность вмѣшательства административной власти, судъ которой, конечно, тоже далеко не всегда оказывается судомъ Соломона.

Параллельно съ такимъ, быстро прогрессирующимъ сокращеніемъ площади свободныхъ пастбищъ идетъ и постепенное ихъ обособленіе. Въ силу чисто хозяйственныхъ потребностей, изъ нерасчлененной прежде общей массы пастбищъ выдѣляются, прежде всего, осенне-весеннія пастбища—у киргизъ кузеу; это площади, гдѣ осѣдающіе кочевники проводятъ время полевыхъ работъ, сѣнокоса и уборки хлѣба, значитъ площади, болѣе или менѣе непосредственно прилегающія къ зимовкамъ и культурнымъ угодьямъ. Но разъ это такъ, то отсюда само собою ясно, что съ возникновеніемъ кузеу они, тѣмъ самымъ, должны исключаться изъ общаго пользованія: кузеу, «по самому своему смыслу, должно быть менѣе свободно

для пользованія, чѣмъ джайляу (лѣтнее пастбище), ибо оно должно удовлетворять такимъ требованіямъ, которыя исключаютъ возможность обращенія многихъ пастбищъ подъ кузеу: кузеу должно быть недалеко отъ призимовочныхъ пастбищъ, чтобы стоя на кузеу можно было бы заниматься приведеніемъ въ порядокъ построекъ на кстау (зимовкѣ), заготовить топливо, а въ иныхъ случаяхъ и сѣно накосить, и хлѣбъ убрать, если покосы и пашни расположены близко кстау; ясно, что далеко не всякое пастбище можетъ служить осеннимъ пастбищемъ»; ясно вмѣстѣ съ тѣмъ, что кузеу только тогда и имѣетъ смыслъ, когда оно становится исключительнымъ достояніемъ того или тѣхъ, къ чьимъ зимовкамъ и культурнымъ землямъ оно расположено достаточно близко; при этомъ «обычное явленіе, что водопои на кузеу—изъ колодцевъ, въ силу чего у каждой группы хозяйствъ, котана или аула, имѣется своя опредѣленная стоянка—джуртъ; отсюда уже недалеко и до разграниченія кузеу на части: ты паси свой скотъ до этихъ поръ, а я буду пасти до тѣхъ» *).

Тѣ же хозяйственныя условія съ необходимостью ведутъ и къ обособленію собственно лѣтнихъ пастбищъ—джайляу или (въ Закавказьѣ) эйлаговъ. Исконный порядокъ, характерный для чисто-кочевого быта, это ничѣмъ неограниченное вольное пользованіе: во многихъ мѣстностяхъ лѣтовками и до сихъ поръ «пользуются вольно, безъ всякихъ ограниченій, кромѣ права вольнаго захвата: кто первый захватилъ мѣсто, тотъ ставитъ на немъ свою юрту, не спрашивая ничьего согласія, но на слѣдующее лѣто то же мѣсто можетъ быть захвачено и другимъ, также безъ спроса прежняго хозяина» **). Но съ развитіемъ сѣнокошенія и земледѣлія такой порядокъ становится неудобнымъ: разъ, примѣрно, въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая приходится производить посѣвъ, съ конца іюня или съ начала іюля заниматься сѣнокосомъ и уборкой хлѣба, то уже и на лѣто нельзя откочевывать слишкомъ далеко отъ зимовыхъ стойбищъ; значитъ, такъ или иначе, ближайшія къ зимовкамъ пастбища должны, съ развитіемъ земледѣлія и сѣнокошенія, выдѣлиться изъ прежняго общаго пользованія и обособиться въ отдѣльное пользованіе владѣльцевъ зимовокъ. И дѣйствительно—въ рядѣ мѣстностей лѣтовки уже «находятся въ пользованіи отдѣльныхъ родовъ и расположены противъ ихъ зимнихъ пастбищъ»; и хотя «лѣтовочныя площади не имѣютъ отмѣченныхъ живыми урочищами или искусственными знаками границъ, однако каждый родъ изъ года въ годъ пользуется одними и тѣми же пастбищами, и пастухи стараются, чтобы скотъ разныхъ родовъ не смѣшивался» ***). Это—одинъ путь, ведущій къ обособленію пользованія на лѣтовкахъ. Есть и другой путь, наблюдаемый преимущественно въ западной полосѣ киргизскихъ степей: это—распредѣленіе тѣхъ все еще обширныхъ общихъ лѣтовокъ, которыми пользуется про-

*) Каркаралинск. у., стр. 36.

**) *С. П. Швецовъ*: „Горный Алтай“, стр. 147.

***) Каркаралинск. у., стр. 36.

должающее совершать дальнія кочевки населеніе, какъ результатъ планомѣрной дѣятельности установленныхъ закономъ и дѣйствующихъ подъ непосредственнымъ надзоромъ и фактически—руководительствомъ администраціи съѣздовъ выборныхъ отъ населенія уѣздовъ и областей; но это—явленіе, лишь слабо связанное съ тѣми естественно-развивающимися, чисто бытовыми формами пользованія, которыя интересуютъ насъ, а потому на этомъ явленіи я здѣсь не буду останавливаться.

Перехожу затѣмъ къ формамъ владѣнія и пользованія культурными угодьями. Здѣсь приходится отмѣтить рѣзкую разницу между пахотными землями и сѣнокосными угодьями: по отношенію къ послѣднимъ формы и землевладѣнія, и землепользованія всегда достигали и сейчасъ достигаютъ несравненно большей напряженности, чѣмъ по отношенію къ первымъ,—разъ только у кочевниковъ появилось сѣнокошеніе, сѣнокосныя угодья обособляются скорѣе всего, и на нихъ главнымъ образомъ развиваются болѣе напряженныя формы землепользованія. И это совершенно понятно. *Самое появленіе* сѣнокошенія, правда, есть признакъ начавшаго обнаруживаться «утѣсненія» *въ пастбищахъ*. Но это утѣсненіе—въ высокой степени относительное: оно, въ видѣ правила, ощущается только по отношенію къ площадямъ, пригоднымъ для зимняго тебеневанія,—и эти послѣднія, какъ было упомянуто, также очень рано становятся объектомъ обособленнаго пользованія. Въ лѣтнихъ пастбищахъ еще очень долго не испытывается никакого недостатка. Земледѣліе, въ видѣ правила, появляется значительно позднѣе, чѣмъ сѣнокошеніе; значительно позднѣе, поэтому, начинаютъ интересоваться пашнями или, точнѣе, площадями, удобными для распашки,—и притомъ въ силу чисто топографическихъ условій количество земель, удобныхъ для распашки, въ видѣ правила бываетъ во много разъ больше, нежели количество сѣнокосовъ. Эти послѣдніе въ засушливыхъ степяхъ киргизскаго или бурятскаго края сосредоточиваются въ сравнительно немногихъ и сравнительно необширныхъ урочищахъ,—ими, поэтому, чрезвычайно дорожатъ, что, между прочимъ, находитъ себѣ ясное выраженіе въ существующей у всѣхъ кочевниковъ обычно-правовой нормѣ, запрещающей распахивать покосы; нормѣ, діаметрально противуположной обычному праву, напримѣръ, сибирскихъ крестьянъ, провозгласившему правило: «сохѣ препятствовать нельзя». Вотъ почему вмѣстѣ съ появленіемъ сѣнокошенія появляются и сѣнокосныя границы; сѣнокосы очень быстро осваиваются, смотря по размѣрамъ и мѣстоположенію каждаго отдѣльнаго сѣнокоснаго урочища: гдѣ отдѣльными домохозяйствами, гдѣ мелкими селидебными группами, гдѣ болѣе или менѣе обширными соединеніями такихъ группъ. Самое разселеніе осѣдающихъ кочевниковъ въ значительной мѣрѣ опредѣляется расположеніемъ покосовъ: мѣстами, гдѣ сѣнокосныя угодья разбросаны мелкими клочками среди неудобной для сѣнокошенія степи, при каждомъ такомъ урочищѣ возникаетъ отдѣльная зимовка; гдѣ урочище побольше—небольшая группа зимовокъ, и сѣнокосное урочище въ первомъ случаѣ сразу поступаетъ въ подворное владѣніе осѣвшаго при немъ домо-

хозяйства. Если сѣнокосное урочище или группа близко лежащихъ урочищъ поступила въ общее владѣніе болѣе или менѣе значительной группы домохозяевъ, формы пользованія принимаютъ крайне разнообразный видъ: гдѣ сѣнокосовъ сравнительно много, въ частности — гдѣ запасъ сѣнокосныхъ угодій при данномъ состояніи хозяйства осѣдающихъ кочевниковъ превышаетъ существующую въ нихъ потребность, тамъ пользованіе сѣнокосами вольное: каждый коситъ гдѣ и сколько хочетъ; гдѣ становится тѣснѣе—это вольное пользованіе ограничивается опредѣленнымъ числомъ косцовъ, какое предоставляется выставлять каждому домохозяйству, причемъ, въ видѣ правила, многоскотнымъ предоставляется выставлять лишнихъ косцовъ противъ малоскотной бѣдноты; гдѣ «утѣсненіе» въ сѣнокосахъ стало болѣе ощутительнымъ, тамъ наблюдается либо «подворное» распредѣленіе сѣнокосовъ, либо ежегодный передѣлъ: и какъ передѣлу, такъ и вольное сѣнокошеніе, весьма часто комбинируется съ чрезвычайно распространенною у кочевого населенія формою кошенія сообща, съ распредѣленіемъ скошеннаго сѣна по числу выставленныхъ каждымъ участникомъ такой сѣнокосной артели косцовъ: гдѣ еще существуетъ вольное сѣнокошеніе, тамъ отдѣльныя урочища, въ видѣ правила, «занимаются» группами; гдѣ практикуется ежегодный передѣлъ—тамъ покосы распредѣляются, опять-таки, между группами домохозяевъ, по большей части связанными между собою близкимъ кровнымъ родствомъ, и затѣмъ каждая такая группа коситъ сообща и распредѣляетъ между собой накошенное сѣно.

Къ сожалѣнію, данныя о формахъ пользованія сѣнокосными угодьями, добытыя при изслѣдованіи киргизъ (о которыхъ собственно идетъ рѣчь въ данную минуту), не отличаются желательною отчетливостью, что̀, можетъ быть, было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ неотчетливости и расплывчатости самихъ формъ. Поэтому не только послѣдовательность смѣны разныхъ формъ, но даже сущность нѣкоторыхъ изъ нихъ не можетъ быть установлена съ совершенною достовѣрностью. Это приходится сказать, въ особенности, о той формѣ, которую мы, слѣдуя за Ф. А. Щербиной и его сотрудниками, обозначили названіемъ «подворной»: корень этой формы, несомнѣнно, въ первобытномъ захватѣ, возникающемъ на почвѣ значительнаго избытка угодій; въ томъ самомъ захватѣ, который составляетъ первичную форму пользованія и у крестьянъ; но мѣстами этимъ названіемъ обозначается форма, дѣйствительно носящая всѣ признаки типичнаго *подворнаго* владѣнія, съ неизмѣнными границами и съ рѣзко выраженнымъ неравенствомъ отдѣльныхъ подворныхъ участковъ; въ другихъ случаяхъ «подворное» пользованіе совмѣщается съ періодическими «поравненіями» участковъ отдѣльныхъ домохозяйствъ или съ такими явленіями переходнаго характера, какъ свободное кошеніе всѣми желающими остатковъ на «подворныхъ» участкахъ или какъ временныя «поравненія» при неурожаяхъ травъ. Вообще, едва ли можно говорить о тождествѣ «подворнаго» пользованія сѣнокосами съ подворнымъ владѣніемъ, какъ правомъ собственности въ полномъ его объемѣ; «подворное пользованіе сѣнокосами

представляетъ собою лишь извѣстный пріемъ, порядокъ землепользованія, чѣмъ только и могутъ быть объяснены переходы отъ подворнаго пользованія сѣнокосами къ общинно-артельному» *); это, повторяю, такой же пріемъ, такой же порядокъ землепользованія, какъ и тѣ разнообразныя формы захвата у крестьянъ, о которыхъ мнѣ придется говорить въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Какъ я сказалъ, весьма трудно уловить и послѣдовательность перехода отъ однѣхъ формъ пользованія покосами къ другимъ—имѣющіяся указанія довольно неясны и противорѣчивы. Съ извѣстною достовѣрностью можно, повидимому, сказать только одно: что подворное пользованіе, кромѣ случаевъ, когда оно связано съ подворнымъ разселеніемъ, не представляетъ собою первобытной формы пользованія покосами. Это и понятно, потому что вѣдь самое понятіе «двора», домохозяйства не существовало у чистыхъ кочевниковъ и развивалось лишь по мѣрѣ осѣданія; первоначальною формою было, повидимому, вольное сѣнокошеніе, изъ котораго затѣмъ, по мѣрѣ надвигавшагося «утѣсненія», развивались тѣ или другія, болѣе напряженныя формы пользованія! Но *въ какомъ порядкѣ* смѣняли другъ друга эти формы—на этотъ вопросъ не представляется возможности дать опредѣленнаго, болѣе или менѣе общаго отвѣта: въ однѣхъ мѣстностяхъ подворное пользованіе смѣнялось ежегодными передѣлами съ кошеніемъ сообща, въ другихъ—смѣна формъ шла въ обратномъ порядкѣ, и очень можетъ быть, что такая пестрота и такое отсутствіе однообразія объясняются двойственностью тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ совершалась разсматриваемая смѣна формъ: съ одной стороны «утѣсненіе» толкало отъ захватныхъ къ уравнительнымъ формамъ пользованія; съ другой—ослабленіе исконной родовой связи имѣло однимъ изъ своихъ послѣдствій исчезновеніе артельныхъ формъ эксплоатаціи угодій и обособленіе землепользованія. Въ однѣхъ мѣстностяхъ, можетъ быть, преобладающее вліяніе оказало первое изъ этихъ условій, въ другихъ—второе. Есть однако факты, позволяющіе если не утверждать, то, во всякомъ случаѣ, предполагать, что *нормальнымъ* типомъ эволюціи была смѣна «подворныхъ» формъ уравнительными, въ видѣ ежегодныхъ передѣловъ: въ рядѣ случаевъ, именно, изслѣдованіе могло наблюдать послѣдствія событій, которыя съ полнымъ правомъ можно подвести подъ понятіе «соціальнаго опыта», хотя и не преднамѣреннаго,—именно отобранія болѣе или менѣе значительной части земель, состоявшихъ въ пользованіи извѣстныхъ группъ киргизовъ, съ цѣлью отвода отрѣзанныхъ земель переселенцамъ. Такія отрѣзки были, очевидно, равносильны внезапному сокращенію земельнаго простора въ такой мѣрѣ, которая при нормальномъ теченіи событій наступила бы лишь по истеченіи нѣсколькихъ, можетъ быть многихъ, десятилѣтій. И вотъ, за такимъ внезапнымъ сокращеніемъ земельнаго простора во всѣхъ отмѣченныхъ мѣстнымъ изслѣдованіемъ случаяхъ слѣдовала замѣна подворной формы поль-

*) Омскій у., стр. 35.

зованія ежегоднымъ передѣломъ, что̀ и позволяетъ именно въ такой замѣнѣ видѣть естественный типъ эволюціи порядковъ пользованія сѣнокосами.

Какъ я сказалъ, все сказанное относится къ формамъ пользованія сѣнокосами у киргизъ. Гораздо отчетливѣе эволюція отъ свободныхъ формъ пользованія сѣнокосными угодьями къ общинно-уравнительнымъ проявляется у бурятъ, что̀ и естественно, потому что самое сѣнокошеніе, и вообще осѣдлыя формы быта и хозяйства, сдѣлали у извѣстной части бурятъ далеко бо̀льшіе успѣхи, нежели у киргизъ. Подробно описанная мѣстнымъ изслѣдованіемъ, эволюція сѣнокосныхъ порядковъ у бурятъ въ общемъ очень похожа на эволюцію порядковъ пользованія покосами у сибирскихъ крестьянъ, но только типы этой эволюціи у первыхъ еще разнообразнѣе, нежели у вторыхъ: какъ у крестьянъ, такъ и у бурятъ мы наблюдаемъ прочное захватное пользованіе сѣнокосными расчистками, по видимости представляющее много сходства съ подворнымъ владѣніемъ, и постепенный переходъ отъ этой формы къ общинно-уравнительному пользованію; по отношенію къ «гладкимъ», степнымъ или луговымъ покосамъ первоначальная форма пользованія—вольный захватъ на одинъ сѣнокосный періодъ, и отсюда—опять-таки крайне постепенный переходъ къ ежегоднымъ передѣламъ; все формы и типы, о которыхъ мнѣ удобнѣе будетъ говорить, когда я перейду къ эволюціи формъ пользованія у крестьянъ. Но кромѣ того, у забайкальскихъ бурятъ наблюдается и такой типъ эволюціи формъ пользованія «гладкими» покосами, который совершенно не встрѣчается у крестьянъ,—типъ, стоящій, очевидно, въ связи съ чисто хозяйственными условіями, вызвавшими развитіе у бурятъ также совершенно неизвѣстнаго крестьянамъ явленія—огораживанія сѣнокосовъ. Именно, переходъ отъ вольнаго пользованія къ ежегоднымъ передѣламъ происходитъ у бурятъ, въ видѣ правила, не непосредственно, а черезъ переходную форму поско̀тинной (поско̀тина—городьба) артели, сначала носящей характеръ совершенно свободнаго хозяйственнаго союза, во всякое время открытаго для доступа новыхъ участниковъ и, слѣдовательно, совершенно не имѣющаго характера замкнутой вовнѣ земельной единицы; постепенно этотъ союзъ замыкается вовнѣ—вошедшія въ городьбу сѣнокосныя угодья становятся исключительнымъ достояніемъ участниковъ этой городьбы, и затѣмъ уже, подъ вліяніемъ прогрессирующаго «утѣсненія», внутри этой поско̀тинной общины совершается переходъ отъ захватнаго къ уравнительному пользованію покосами, которое—мнѣ достаточно здѣсь краткаго о томъ упоминанія—достигло среди забайкальскихъ инородцевъ очень значительнаго распространенія: въ группѣ кочевыхъ инородцевъ передѣляется свыше половины общаго количества покосовъ, въ группѣ казаковъ-бурятъ—болѣе девяти десятыхъ: въ западномъ Забайкальѣ 94%, въ восточномъ—93% общаго количества покосовъ.

Порядки пользованія землями, удобными для распашки, остаются у инородцевъ, какъ, впрочемъ, и у крестьянъ, далеко позади порядковъ поль-

зованія сѣнокосными угодьями: какъ я уже упоминалъ, самая потребность въ пашнѣ у кочевниковъ возникаетъ позднѣе, иногда значительно позднѣе, и въ то же время по отношенію къ пахотнымъ землямъ эта потребность встрѣчается съ несравненно бо́льшимъ просторомъ. Вотъ почему и разграниченіе *владѣній* въ данномъ случаѣ обнаруживается гораздо позднѣе и слабѣе, и формы *пользованія* достигаютъ гораздо меньшаго развитія и напряженности. У киргизъ, у алтайскихъ инородцевъ, пользованіе пашнями исключительно вольное—каждый можетъ пахать гдѣ ему угодно и сколько угодно, но въ виду соображеній удобства, чтобы оберечь посѣвы отъ потравъ, обыкновенно пашутъ либо на ближайшихъ къ зимовкамъ урочищахъ, либо на такихъ, лежащихъ гдѣ-нибудь на отлетѣ, куда скотъ не заходитъ, напримѣръ, по недостатку водопоевъ. Поскольку община вмѣшивается въ пахотные распорядки, ея вмѣшательство сводится къ указанію мѣстъ, гдѣ могутъ и гдѣ не могутъ производиться распашки; она выступаетъ, значитъ, не въ общинно-уравнительной, а въ чисто хозяйственной функціи, подобно тому, напримѣръ, какъ дѣйствуетъ союзъ подворныхъ владѣльцевъ въ районахъ съ трехпольнымъ или съ правильнымъ толочнымъ хозяйствомъ. Самый типъ вольнаго пользованія пахотными землями, повидимому, не можетъ быть признанъ вполнѣ установившимся; но преобладаетъ, опять-таки повидимому, такая форма захвата, при которой исключительное право на однажды распаханную землю сохраняется за распахавшимъ до тѣхъ поръ, пока сохранились какіе-либо слѣды влагавшагося въ обработку пашни труда: даже когда пашня заброшена въ залежь, «какъ падалкой, такъ и ковылемъ на такихъ залежахъ могутъ пользоваться (жать и косить) только хозяева, впервые разработавшіе землю»,—и это до тѣхъ поръ, «пока залежь не сравняется совершенно со степью, а послѣ ее можетъ распахивать и косить любой изъ членовъ общины»*)—той самой общины, которая, такъ или иначе, распоряжается еще нераспаханною, но годною для распашки и для сѣнокошенія степью. Въ этомъ отношеніи развитіе пашни и сѣнокошенія сопровождается, опять-таки, очень любопытными явленіями, въ смыслѣ обособленія землевладѣнія: пока степь служитъ только пастбищемъ, она не знаетъ, во многихъ еще мѣстностяхъ, никакихъ границъ; но когда ее начинаютъ распахивать, такія границы появляются—каждая группа домохозяйствъ или каждая группа группъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, присваиваетъ своимъ членамъ исключительно право распашки земель, располагающихся между двумя «мысленными» линіями, которыя проводятся въ глубь степи, составляя продолженіе уже твердо установленныхъ границъ призимовочныхъ угодій; и такія же «мысленныя» границы появляются на ковыльныхъ степяхъ съ распространеніемъ сѣнокосилокъ, когда начинаетъ коситься не поддающійся простой ручной косѣ ковыль.

Сказанное относится, опять-таки, къ киргизамъ и частью къ алтайскимъ

*) Кустанайскій у., стр. 38.

инородцамъ; у послѣднихъ на-ряду съ охарактеризованною формою пользованія, наблюдаемою по отношенію къ «гладкимъ» пашнямъ, существуетъ длительный захватъ по отношенію къ пашнямъ, расчищеннымъ изъ-подъ лѣса, слѣдовательно, потребовавшимъ болѣе или менѣе значительной предварительной затраты труда. У бурятъ эволюція и въ данномъ случаѣ пошла значительно дальше: у нихъ наблюдаются, опять-таки, всѣ формы пользованія пашнями, начиная отъ разнообразныхъ формъ первобытнаго захвата и кончая самыми выработанными формами общинно-уравнительнаго пользованія; при этомъ въ крайне многоземельномъ—поскольку рѣчь идетъ о пахотныхъ степяхъ—восточномъ Забайкальѣ передѣлы и даже простыя «поравненія» пахотныхъ земель еще совершенно не встрѣчаются—эволюція не пошла здѣсь дальше тѣхъ или другихъ ограниченій первобытнаго захвата; въ гораздо болѣе малоземельномъ западномъ Забайкальѣ въ общинно-уравнительномъ пользованіи даже у кочевыхъ инородцевъ состоитъ уже свыше четверти общаго количества пашенъ, у казаковъ-бурятъ немногимъ менѣе половины; въ томъ и другомъ случаѣ, значитъ, эволюція формъ пользованія пашнями и здѣсь сдѣлала далеко меньшіе успѣхи, нежели эволюція формъ пользованія покосами.

Совершенно особое мѣсто занимаютъ, съ точки зрѣнія формъ землепользованія, орошаемыя пашни—замѣчу мимоходомъ, что среди осѣдающихъ кочевниковъ ирригація и въ Забайкальѣ, и въ другихъ сибирскихъ полукочевыхъ районахъ, и въ киргизскомъ краѣ пользуется очень большимъ распространеніемъ, что, конечно, стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ естественными условіями и въ частности—съ засушливымъ климатомъ большей части тѣхъ районовъ, гдѣ сосредоточивается кочевое и полукочевое населеніе. Вездѣ, гдѣ только существуетъ искусственное орошеніе, вода въ хозяйственномъ отношеніи доминируетъ надъ землей: степенью изобилія и характеромъ водныхъ источниковъ, могущихъ быть использованными для ирригаціи, опредѣляется система полеводства, выборъ растеній, входящихъ въ обычные сѣвообороты и т. п. То же самое преобладаніе воды надъ землею съ полною ясностью обозначается и въ области формъ землепользованія. По дѣйствующему во всѣхъ районахъ ирригаціоннаго хозяйства обычному праву, а также по мусульманскому праву, дѣйствующему среди осѣдлаго и осѣдающаго населенія средней Азіи и Закавказья, вода, разъ она выведена изъ естественнаго состоянія посредствомъ какихъ-либо оросительныхъ сооруженій, принадлежитъ тому, кто ее вывелъ, а земля принадлежитъ ея «оживителю» въ такомъ количествѣ, какое можетъ быть орошено за счетъ выведеннаго количества воды. Формы, въ которыя облекается и въ которыхъ воплощается этотъ общій принципъ, крайне разнообразны, въ зависимости опять-таки отъ чисто хозяйственныхъ условій и на первомъ мѣстѣ—отъ размѣровъ и характера тѣхъ водныхъ источниковъ, которые используются для цѣлей орошенія. Гдѣ такимъ источникомъ является, напримѣръ, небольшой горный ключикъ, изъ котораго вывести воду подъ силу одной семьѣ и который можетъ дать воды

не больше, чѣмъ на нужды одной семьи, или гдѣ выводъ воды изъ рѣки или озера производится водоподъемными колесами, такъ называемыми «чигирями» (система орошенія, опять-таки, доступная отдѣльной семьѣ и обслуживающая, въ каждомъ случаѣ, лишь очень ограниченное количество земли),—тамъ возникаетъ подворное пользованіе или даже, вѣрнѣе, подворное владѣніе водою и землею. Гдѣ ирригаціонныя сооруженія требуются нѣсколько болѣе крупныя, тамъ для устройства ихъ составляются небольшія артели, въ двѣ-три семьи, по большей части связанныхъ между собой родственными отношеніями; распредѣленіе пользованія водою и землею, при указанныхъ особенностяхъ состава такихъ артелей, по большей части не подчиняется никакимъ опредѣленнымъ правиламъ и происходитъ въ каждомъ случаѣ по простому, ничѣмъ не оформленному соглашенію. Гдѣ требуются болѣе крупныя магистральныя канавы или распредѣлители отъ издавна существующихъ большихъ магистральныхъ каналовъ,—тамъ единицей владѣнія и пользованія водою и землею является болѣе или менѣе многолюдная община-артель, обнимающая всѣхъ участниковъ въ сооруженіи даннаго канала или ихъ потомковъ; характерный примѣръ этого рода представляетъ побережье рѣки Чу, отдѣляющей сѣверныя киргизскія области отъ южныхъ, туркестанскихъ; по этой рѣкѣ располагается многочисленное полуосѣвшее населеніе, ведущее исключительно поливное земледѣльческое хозяйство; въ предѣлахъ одного Каркаралинскаго уѣзда населеніе это группируется въ 18 общинъ, по числу «тогановъ»—магистральныхъ ирригаціонныхъ каналовъ, выведенныхъ непосредственно изъ рѣки; каждая такая община имѣетъ свой каналъ, и она же имѣетъ исключительно право пользованія землею на всемъ пространствѣ ниже этого канала, до слѣдующаго канала, выведеннаго изъ рѣки, ниже по ея теченію. Затѣмъ, внутри каждой изъ такихъ общинъ-артелей распредѣляется, главнымъ образомъ, вода: каждый участникъ артели имѣетъ равное съ другими право на воду, которою и пользуется въ установленной, общей для всѣхъ очереди—по суткамъ, полусуткамъ и т. п.; способъ пользованія землею въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ характера хозяйства: гдѣ недостатокъ воды, по сравненію съ поддающеюся орошенію площадью, заставляетъ вести переложное хозяйство съ правильнымъ чередованіемъ смѣнъ, тамъ, повидимому, поступающая подъ распашку смѣна разбирается участниками общины-артели на началахъ вольнаго захвата; гдѣ воды довольно и хозяйство поэтому ведется постоянное,—тамъ преобладаетъ прочное захватное, на первый взглядъ близкое къ подворному, пользованіе, фактически ограничиваемое однако количествомъ отпускаемой каждому домохозяину воды; въ предѣлахъ этого количества каждый можетъ и расширять свою запашку, удлиняя свою оросительную канаву и захватывая этимъ путемъ свободную степь; гдѣ орошенію поддается, по условіямъ рельефа, строго ограниченное пространство и потому такое расширеніе запашекъ за счетъ свободной степи не можетъ имѣть мѣста,—тамъ бываютъ случаи отрѣзки излишней земли отъ захватившихъ больше другихъ, съ цѣлью отвода ея малозе-

мельнымъ или прибылымъ дворамъ—отау; но такіе случаи, повидимому, встрѣчаются рѣдко, господствующею же формою остается, пока, прочный захватъ, ограничиваемый только количествомъ воды, отпускаемой каждому общественнику, члену ирригаціонной артели.

Вотъ болѣе или менѣе все существенное, что̀ даютъ намъ произведенныя, главнымъ образомъ, за послѣднее десятилѣтіе мѣстныя изслѣдованія для характеристики и формъ землевладѣнія и землепользованія у кочевого и постепенно осѣдающаго, полукочевого населенія. Нельзя скрывать отъ себя, что многіе изъ отдѣльныхъ моментовъ происходящей въ этой области эволюціи обрисованы въ нашихъ источникахъ далеко не со всею желательною отчетливостью, что сущность отдѣльныхъ формъ и послѣдовательность хода эволюціи нерѣдко остается въ большей или меньшей мѣрѣ неясною. Но если свести въ одну общую картину весь тотъ очень обширный фактическій матеріалъ, съ сущностью котораго мы, конечно, могли познакомить читателя только въ самыхъ общихъ чертахъ,— если въ особенности удѣлить надлежащее мѣсто въ этой общей картинѣ иркутскимъ и забайкальскимъ бурятамъ, то общій смыслъ этой картины— это, несомнѣнно, постепенная эволюція отъ существующихъ при безпредѣльномъ просторѣ неопредѣленныхъ и расплывчатыхъ формъ владѣнія и свободныхъ формъ пользованія угодьями къ развивающемуся, по мѣрѣ прогрессирующаго «утѣсненія», общинно-уравнительному пользованію.

Важное значеніе тѣхъ фактовъ, которые очерчены мною на предшествующихъ страницахъ—въ частности, ихъ значеніе для всякаго, кто интересуется вопросомъ о генезисѣ земельной общины и общинно-уравнительныхъ формъ землепользованія, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Прежде всего—замѣчу мимоходомъ—при изученіи формъ владѣнія и пользованія землею у кочевого и постепенно осѣдающаго полукочевого населенія съ особенною отчетливостью бросается въ глаза та тѣсная зависимость этихъ формъ отъ чисто хозяйственныхъ условій, которая съ далеко меньшею ясностью можетъ быть наблюдаема и у крестьянскаго населенія, и которая, можетъ быть, стала бы еще гораздо болѣе наглядною и очевидною для читателя, если бы я имѣлъ возможность войти здѣсь въ большія детали и слѣдовательно—ближе прослѣдить параллельную эволюцію хозяйства отъ чисто-кочевого къ осѣдлому, земледѣльческо-скотоводческому типу, и земельныхъ отношеній—отъ отсутствія землевладѣнія и полной свободы землепользованія къ ясно выраженнымъ формамъ общиннаго землевладѣнія и землепользованія. Замѣчу только кратко: изучая шагъ за шагомъ эту эволюцію, я на каждомъ шагу убѣждался въ правильности, для занимающей насъ сферы человѣческихъ отношеній, того принципа, въ силу котораго правовыя, въ частности—обычно-правовыя отношенія являются лишь надстройкою, воздвигающеюся на фундаментѣ чисто производственныхъ отношеній.

Сказаннымъ, однако, въ значительной мѣрѣ предрѣшается вопросъ о

роли, въ эволюціи земельныхъ отношеній у кочевого и осѣдающаго населенія, разнаго рода внѣшнихъ вліяній и въ частности—о роли правительственнаго воздѣйствія, податной системы и т. п. Если эволюція формъ землевладѣнія и землепользованія происходитъ въ тѣснѣйшей связи съ эволюціею формъ хозяйства,—если каждый шагъ, въ медленномъ ходѣ развитія формъ землевладѣнія и землепользованія, является необходимымъ слѣдствіемъ чисто-хозяйственныхъ отношеній, то этимъ самымъ устраняется необходимость искать объясненія этой эволюціи въ какихъ бы то ни было внѣшнихъ вліяніяхъ, какъ-то: въ давленіи закона, въ административныхъ воздѣйствіяхъ, во вліяніи податной системы и т. п. И справедливость этого апріорнаго заключенія вполнѣ подтверждается положительнымъ матеріаломъ, касающимся эволюціи кочевого и полукочевого землевладѣнія и землепользованія. Въ самомъ дѣлѣ—законъ? Но поскольку рѣчь идетъ о формахъ *землепользованія,* законъ ограничивается немногими, крайне расплывчатыми постановленіями, которыя—если бы даже и предполагать ихъ достаточно извѣстными населенію—не могли ни въ ту, ни въ другую сторону повліять на дѣйствительную, жизненную эволюцію; такъ, сибирскіе кочевые инородцы, въ томъ числѣ буряты, по закону (пол. инор., ст. 34) «для каждаго поколѣнія имѣютъ назначенныя во владѣніе земли; подробное раздѣленіе участковъ сихъ земель зависитъ отъ самихъ кочующихъ по жеребью или другимъ ихъ обыкновеніямъ». У киргизъ собственно формы землепользованія регулируются двумя статьями — ст. 122 и 127 степн. пол.; согласно одной изъ нихъ, «лѣтнія кочевья остаются въ пользованіи кочевниковъ по обычаямъ»,—согласно другой, «земли обрабатываемыя, а равно занятыя постройками и насажденіями, переходятъ по наслѣдству, доколѣ земля воздѣлывается или существуютъ постройки и насажденія». Едва ли нужно доказывать, что *такого* рода законодательныя постановленія не могли въ какомъ бы то ни было направленіи предрѣшить эволюцію кочевого землепользованія. Попытка такого предрѣшенія сдѣлана законодателемъ по отношенію къ *землевладѣнію* одной изъ группъ нашего кочевого населенія—киргизамъ: законъ пріурочилъ владѣніе зимовыми стойбищами и обрабатываемыми землями къ созданнымъ русскимъ правительствомъ административнымъ дѣленіямъ—волостямъ и аульнымъ обществамъ, или административнымъ ауламъ,—и сдѣлалъ это съ опредѣленною политическою цѣлью—уничтожить исконную родовую связь кочевого населенія. Но достигнувъ, до нѣкоторой степени, успѣха въ этомъ чисто отрицательномъ смыслѣ, законъ не сдѣлалъ изъ киргизской волости и административнаго аула дѣйствительныхъ земельныхъ единицъ: владѣніе разнаго рода угодьями, въ дѣйствительности, продолжаетъ пріурочиваться къ разнообразнѣйшимъ бытовымъ единицамъ и группамъ, начиная отъ отдѣльнаго домохозяйства и кончая болѣе или менѣе обширными и сложными соединеніями селидебныхъ группъ; лишь въ видѣ исключенія административныя, въ частности аульныя границы совпадаютъ съ границами землевладѣнія,—такое совпаденіе имѣетъ мѣсто только тамъ, гдѣ эти границы, въ изъятіе

изъ общаго правила, были проведены въ соотвѣтствіи со старинными родовыми подраздѣленіями.

Что касается затѣмъ административнаго давленія, то въ этомъ отношеніи дѣло обстоитъ уже окончательно просто: во всемъ богатомъ фактическомъ матеріалѣ, касающемся генезиса и эволюціи формъ землевладѣнія и землепользованія у кочевниковъ, нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на то, чтобы администрація гдѣ-либо и когда-либо вмѣшивалась во внутреннія земельныя отношенія инородческаго населенія, и тѣмъ болѣе—чтобы она гдѣ-либо и когда-либо задавалась цѣлью повести ихъ эволюцію этихъ отношеній въ какомъ-либо опредѣленномъ направленіи. Единственное исключеніе составляетъ распредѣленіе общихъ лѣтовокъ у киргизъ — дѣло, гдѣ дѣйствующій законъ предоставилъ активную роль органамъ мѣстной администраціи; но это вопросъ совершенно особый и стоящій внѣ всякой связи съ общею эволюціею кочевого землевладѣнія и землепользованія: сущность дѣла сводится здѣсь не къ установленію формъ землевладѣнія и землепользованія, а къ «разграниченію сферъ» пользованія осѣдающаго населенія и приходящихъ со стороны кочевниковъ. Во всемъ остальномъ, повторяю, данныя мѣстныхъ изслѣдованій не даютъ никакого основанія предполагать какое бы то ни было административное воздѣйствіе на эволюцію формъ кочевого землевладѣнія и землепользованія.

Нельзя установить какой-либо связи также и между этой эволюціей и установленными дѣйствующимъ закономъ порядками податного обложенія кочевниковъ. Киргизы, напримѣръ, платятъ кибиточную подать, исчисляемую въ опредѣленномъ закономъ размѣрѣ съ каждой «кибитки» по послѣднему учету и распредѣляемую «по благосостоянію каждаго кибитковладѣльца» волостными и аульными съѣздами. Прежде всего: можно ли предполагать причинную зависимость между организаціею податного обложенія и формами землепользованія, если полное однообразіе первой уживается съ крайнимъ разнообразіемъ вторыхъ; если распредѣляемая по благосостоянію кибиточная подать свободно мирится и съ безграничною свободою пользованія чистыхъ кочевниковъ, и съ разнообразными формами, носящими болѣе или менѣе рѣзко выраженный уравнительный характеръ, и съ болѣе или менѣе типичнымъ подворнымъ, если не владѣніемъ, то во всякомъ случаѣ пользованіемъ? Далѣе: вѣдь податное обложеніе и разверстка платежей пріурочены, и на этотъ разъ не только номинально, но и *фактически,* къ административнымъ дѣленіямъ, волостямъ и аульнымъ обществамъ; между тѣмъ земельными угодьями владѣютъ и распоряжаются и отдѣльныя домохозяйства, и селидебныя группы, и безконечно разнообразныя соединенія этихъ группъ,—но только *не* тѣ административныя соединенія, которыя являются объектами и субъектами податного обложенія; очевидно отсюда, что земельная связь, поскольку таковая существуетъ, создана чѣмъ угодно, но только не податною связью. Нѣкоторой зависимости между податными и земельными порядками можно искать только въ одномъ отношеніи: можно предполагать, что принципъ раскладки платежей «по благосостоя-

нію», провозглашенный закономъ, не остался безъ вліянія на принятые у кочевниковъ порядки разверстки земли, при которыхъ «благосостояніе» играетъ не малую роль, и состоятельные, многоскотные домохозяева обыкновенно пользуются значительными преимуществами передъ бѣднотою. Но и въ данномъ случаѣ въ первомъ изъ отмѣченныхъ обстоятельствъ едва ли можно видѣть *причину* второго,—вѣрнѣе и въ томъ, и въ другомъ видѣть слѣдствія *одной общей причины:* той рѣзкой соціальной дифференціаціи, которая является неразрывнымъ спутникомъ исконнаго родового строя кочевниковъ; эта дифференціація, несмотря на постепенное, констатируемое всѣми изслѣдователями, ослабленіе основъ родового быта, до сихъ поръ продолжаетъ отражаться на способахъ распредѣленія угодій, и этою же дифференціаціей воспользовалось русское правительство для организаціи податной части у кочевниковъ. Не подлежитъ сомнѣнію одно: что принципъ раскладки по благосостоянію оказался очень выгоднымъ верхнему слою кочевого населенія, создавъ новую опору для его исконнаго преобладанія.

Наконецъ, является вопросъ о значеніи подражанія, заимствованія у крестьянъ. Но и на этотъ вопросъ можно дать, не обинуясь, отрицательный отвѣтъ. У киргизъ эволюція землепользованія въ опредѣленномъ направленіи идетъ уже издавна; она начиналась и шла впередъ, когда киргизы совершенно не соприкасались съ русскими,—да и теперь такое соприкосновеніе имѣетъ мѣсто далеко не вездѣ, а только по сѣверной и западной границамъ необъятнаго пространства киргизскихъ степей и въ тѣхъ сравнительно немногихъ районахъ, гдѣ расположились болѣе или менѣе значительныя группы русскихъ переселенческихъ поселковъ; а между тѣмъ изслѣдованіе не даетъ рѣшительно никакихъ основаній предполагать большую, въ такихъ мѣстностяхъ, распространенность уравнительныхъ формъ пользованія, чѣмъ въ мѣстностяхъ, гдѣ киргизы совершенно не соприкасались съ русскимъ элементомъ; независимо отъ этого, если эволюція идетъ, въ общихъ чертахъ, въ томъ самомъ направленіи, какъ и у крестьянъ—отъ неограниченной общности владѣнія и отъ безгранично-свободнаго пользованія къ уравнительному, то самыя формы, въ которыя облекаются эти основные принципы, настолько своеобразны и стоятъ въ такой тѣсной связи съ мѣстными естественными и хозяйственными условіями, что о какомъ-либо заимствованіи не можетъ быть и рѣчи.

Не такъ просто разрѣшается данный вопросъ по отношенію къ бурятамъ: они, съ одной стороны, издавна находятся въ тѣсномъ соприкосновеніи съ крестьянскимъ населеніемъ, а съ другой—формы землепользованія у бурятъ и послѣдовательность ихъ эволюціи представляютъ очень много сходнаго съ соотвѣтственными явленіями у крестьянъ, притомъ не только въ общихъ принципахъ, но и въ тѣхъ формахъ, въ которыя выливаются эти принципы. Поэтому, возможность заимствованія бурятами тѣхъ или другихъ формъ, возможность нѣкотораго вліянія примѣра русскихъ на эволюцію землепользованія у бурятъ не можетъ считаться исключенною,

и компетентный изслѣдователь формъ землепользованія въ Забайкальѣ, М. А. Кроль, опредѣленно указываетъ на существованіе зависимости этого рода. Однако, придавать этому обстоятельству сколько-нибудь рѣшающее значеніе было бы и въ данномъ случаѣ неправильно. У бурятъ наблюдаются, съ одной стороны, такія формы и такіе типы эволюціи, какіе совершенно не существуютъ у крестьянъ—достаточно напомнить объ охарактеризованной выше поскотинной общинѣ, объ ирригаціонныхъ артеляхъ, о переходѣ отъ вольнаго пользованія сѣнокосами къ уравнительному черезъ промежуточную форму прочнаго захвата; съ другой стороны, распространенность уравнительныхъ формъ у забайкальскихъ бурятъ, въ общемъ, несомнѣнно, значительно меньшая, чѣмъ у крестьянъ, стоитъ въ строгой зависимости отъ степени земельнаго простора вообще и въ частности—отъ степени избытка или недостатка (конечно, относительнаго) въ угодьяхъ; и что большая или меньшая распространенность уравнительнаго землепользованія зависитъ не отъ условій этнографическаго характера, а именно отъ степени испытываемаго «утѣсненія»,—это доказывается хотя бы уже тѣмъ, что у крайне многоземельныхъ казаковъ русскаго происхожденія уравнительное пользованіе не только не болѣе, но даже менѣе распространено, чѣмъ у поставленныхъ въ приблизительно одинаковыя съ ними условія земельнаго простора казаковъ-бурятъ; въ западномъ Забайкальѣ, напримѣръ, у казаковъ-бурятъ передѣляется до 46% пашенъ и до 93% покосовъ, у казаковъ русскаго происхожденія—25% первыхъ и 86% вторыхъ. Наконецъ, эволюція землепользованія у бурятъ—совершенно такъ же, какъ и у крестьянъ—идетъ съ такою постепенностью, неограниченный захватъ такъ незамѣтно переходитъ въ тѣ или другія ограниченно-захватныя формы, а отъ этихъ послѣднихъ такъ постепенно и незамѣтно происходитъ переходъ сначала къ зачаточнымъ, потомъ къ болѣе совершеннымъ формамъ уравнительнаго пользованія, что для заимствованія, вообще для какихъ-либо внѣшнихъ вліяній, въ качествѣ рѣшающаго (возможность случайныхъ воздѣйствій, повторяю, не исключена) фактора эволюціи землепользованія у бурятъ рѣшительно не остается мѣста.

И конечный выводъ изъ всего изложеннаго: общинно-уравнительныя формы, поскольку онѣ существуютъ у кочевого и полукочевого населенія Азіятской Россіи, являются продуктомъ естественной эволюціи, обусловленной не какими-либо внѣшними воздѣйствіями, а причинами, коренящимися во всей совокупности условій быта и хозяйства и идущей строго параллельно эволюціи хозяйственныхъ формъ, параллельно переходу отъ чисто-кочевого къ полукочевому и отъ этого послѣдняго—къ осѣдло-земледѣльческому быту.

Но такой выводъ имѣетъ не малое значеніе и для выясненія вопроса о генезисѣ русской, крестьянской земельной общины. Съ одной стороны, при *такихъ* условіяхъ нельзя, конечно, видѣть въ русской общинѣ, какъ видѣли славянофилы, продуктъ какихъ-то специфическихъ особенностей

русскаго народнаго духа. Но, съ другой—наличность свободно-развивающихся общинно-уравнительныхъ формъ у киргизъ, бурятъ, алтайцевъ, у туземнаго населенія Закавказья и т. п. не можетъ не усиливать тѣхъ сомнѣній, которыя возбуждаетъ «государственная» теорія происхожденія русской общины: если община у некрестьянскаго населенія является продуктомъ естественной эволюціи, то какія основанія предполагать, что крестьянамъ она была навязана болѣе или менѣе насильственно, во всякомъ случаѣ извнѣ? если естественная эволюція общинно-уравнительныхъ формъ представляетъ собою общее явленіе, то почему *крестьянская* земельная община явилась бы единственнымъ въ своемъ родѣ исключеніемъ?...

Однако, для насъ остался пока совершенно неразрѣшеннымъ вопросъ: *что же такое община* у кочевого и постепенно осѣдающаго, полукочевого населенія? Я намѣренно обходилъ до сихъ поръ этотъ коренной вопросъ, я старался избѣгать, по возможности, даже самого слова «община», и говорилъ только о тѣхъ или другихъ формахъ общинно-уравнительнаго пользованія. Что же такое, однако, сама община у кочевого и полукочевого населенія?

У типичныхъ кочевниковъ этого понятія совершенно не существуетъ: у нихъ есть кочевыя группы, состоящія либо изъ очень близкихъ родственниковъ, либо изъ богача-патрона съ бѣдняками-кліентами, и связанныя не какою-либо общностью землевладѣнія (о такой общности, очевидно, не могло быть рѣчи, разъ не существовало вообще земле*владѣнія!*), а только родственными и хозяйственными отношеніями; и есть разнообразные по объему и по степени взаимной близости родовые союзы восходящаго порядка, играющіе, какъ выше было отмѣчено, серьезную роль, между прочимъ, при кочевыхъ группировкахъ и при выборѣ направленія кочевокъ, но также не имѣющіе характера земельныхъ единицъ.

Земельными единицами или земельными союзами родовыя группы не являются также и у осѣдающаго или полуосѣдлаго населенія. Родовая связь и теперь сохраняетъ огромное значеніе: если не безусловно всегда, то въ видѣ правила, знающаго, повидимому, лишь немного исключеній, всѣ группировки какъ территоріальныя, начиная отъ мелкой селидебной группы, такъ и артельныя, слагаются *внутри* болѣе или менѣе крупныхъ родовыхъ группъ,—это все соединенія родственниковъ или родовичей; но всѣ такія соединенія—это *не родовыя группы, какъ таковыя,* и не родъ, не родовая связь является ихъ объединяющимъ началомъ. Не родовая связь, въ частности, является началомъ, формирующимъ и связывающимъ общину у осѣдающаго, полукочевого населенія; напротивъ, мѣстное изслѣдованіе многократно констатируетъ, что развивающіяся общинныя формы и отношенія становятся на смѣну отмирающихъ родовыхъ.

Но что же, въ такомъ случаѣ, представляетъ собою община у полукочевого, находящагося на пути къ осѣдлости населенія?... Мѣстные изслѣдователи напрягли не мало силъ и стараній, чтобы установить, фиксировать это понятіе, но это не удалось имъ и, какъ мы сейчасъ увидимъ,

не могло удаться. Изслѣдователямъ Забайкалья пришлось взять за исходный пунктъ подраздѣленіе на булуки, введенное бурятскими властями для совмѣстнаго отбыванія натуральныхъ повинностей, и нѣкоторые изъ нихъ готовы были видѣть въ булукахъ «подраздѣленіе на территоріальныя общины» *); однако, какъ выяснилось при ближайшемъ изученіи собраннаго матеріала, бурятскій булукъ лишь болѣе или менѣе случайно совпадаетъ съ земельною общиною: не говоря уже о совершенно безформенномъ, если можно такъ выразиться, пользованіи покосами, гдѣ эти послѣдніе не огораживаются, «даже въ булукахъ, въ которыхъ покосы находятся въ общей городьбѣ, земельной общины въ общепринятомъ смыслѣ не существуетъ»; булукъ, въ концѣ-концовъ, оказывается не болѣе, какъ простымъ географическимъ терминомъ, земельная же и въ частности покосная община у бурятъ «является нерѣдко понятіемъ неопредѣленнымъ и въ значительной степени формальнымъ» **). Ф. А. Щербина и его сотрудники по изслѣдованію киргизъ установили понятіе общинно-аульной или общинно-земельной группы, какъ союза, объединяемаго общностью владѣнія и пользованія призимовочными угодьями и, въ видѣ правила, состоящаго изъ нѣсколькихъ селидебныхъ группъ—хозяйственныхъ ауловъ. Но ближайшее ознакомленіе съ матеріаломъ приводитъ къ заключенію, что общинно-земельная группа, какъ она установлена экспедиціею Ф. А. Щербины, не имѣетъ ни одного изъ двухъ основныхъ признаковъ, характеризующихъ общину, какъ единицу землевладѣнія и землепользованія: ни обособленности во-внѣ, ни единства внутри: владѣнія одной группы сплошь и рядомъ не отграничены не только искусственными, но даже условными границами отъ владѣній другихъ, сосѣднихъ, а внутри такого рода группъ, скорѣе въ видѣ общаго правила, чѣмъ въ видѣ исключенія, встрѣчается раздѣльность пользованія всѣми или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми угодьями. «Киргизская земельно-родовая группа,—говоритъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Ф. А. Щербины, Л. К. Чермакъ, въ одномъ изъ позднѣйшихъ сборниковъ «Матеріаловъ»,—имѣетъ много общаго съ сибирскою сложною общиной: какъ эта послѣдняя, будучи связана общностью владѣнія извѣстною территоріей, представляетъ въ своихъ внутреннихъ поземельныхъ отношеніяхъ самыя разнообразныя комбинаціи, такъ точно и киргизское землепользованіе можно разсматривать, какъ рядъ сложныхъ общинъ, объединенныхъ общностью пользованія лѣтовочными угодьями» ***).

Всѣ попытки установить, фиксировать понятіе киргизской или бурятской общины, вообще общины у осѣдающихъ кочевниковъ, оказываются такимъ образомъ неудачными, и это совершенно понятно, потому что общины, какъ замкнутаго во-внѣ и объединеннаго внутри земельнаго со-

*) „Матеріалы“ по Забайк. обл., т. VI, стр. 112.
**) Томъ X, стр. 8—11.
***) Каракарал. у., стр. 4.

юза, у бурятъ и у киргизъ, въ дѣйствительности, еще вовсе не существуетъ. Киргизская или бурятская община—это явленіе еще слагающееся, параллельно съ переходомъ отъ не знавшаго общины чисто-кочевого быта къ осѣдлому, связанному съ развитіемъ сѣнокошенія и хлѣбопашества; сѣнокосныя и пахотныя общины, какъ и сами пашни и сѣнокосы, сравнительно недавняго происхожденія: естественно, что община у кочевниковъ, въ частности, напримѣръ, бурятская сѣнокосная община, «является нерѣдко понятіемъ весьма неопредѣленнымъ и въ значительной степени формальнымъ». И факторомъ, создающимъ бурятскую покосную общину, является не родовая и не сосѣдская связь; такимъ факторомъ, по свидѣтельству того же М. А. Кроля, «является огораживаніе угодій: моментъ возникновенія городьбы—это моментъ появленія на свѣтъ бурятской земельной общины» *).

Такимъ образомъ, зародышъ бурятской общины—это свободно составляющаяся поскотинная артель, та самая, о которой мнѣ пришлось уже говорить немного раньше въ нѣсколько другой связи; форма, въ началѣ тоже болѣе или менѣе аморфная, не создающая опредѣленнаго разграниченія между связанными общею городьбою группами населенія: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и посейчасъ «каждому предоставляется право вступить въ одну изъ имѣющихся сѣнокосныхъ общинъ, безразлично, на земляхъ своего или чужого булука эта община имѣетъ покосы»; а это, какъ и существующій еще, мѣстами, обычай «удѣлять покосы и членамъ чужой сосѣдней общины, если на покосахъ послѣдней трава не уродилась или уродилась плохо», показываетъ, что «поскотинная община образовалась не затѣмъ, чтобы отмежеваться отъ другихъ и захватить въ свое исключительное пользованіе извѣстныя сѣнокосныя мѣста, а совершенно для другихъ цѣлей»; что поскотинная община—скорѣе артель, чѣмъ община, скорѣе свободный союзъ, заключаемый съ чисто-хозяйственными цѣлями, чѣмъ единица общаго владѣнія и пользованія землей **). И лишь мало-помалу, съ большою постепенностью, эта свободная поскотинная община или артель переходитъ въ законченную форму замкнутой территоріальной общины, въ извѣстныхъ случаяхъ совпадающей съ булукомъ и имѣющей своимъ органомъ булучный сугланъ. Переходный процессъ прослѣженъ изслѣдованіемъ не съ тою ясностью, какая была бы желательна; но уже самый фактъ постепеннаго развитія типичной территоріальной общины изъ свободно-составляющагося, чисто хозяйственнаго союза имѣетъ немаловажное общее значеніе и бросаетъ яркій свѣтъ на общій вопросъ о происхожденіи земельной общины.

Это—одинъ частный случай; другой, аналогичный по существу, представляютъ собою охарактеризованныя выше ирригаціонныя артели у тѣхъ же бурятъ и въ особенности у средне-азіатскихъ киргизъ: и здѣсь перво-

*) „Матер.“ по Забайк. обл., т. X, стр. 11.
**) Тамъ же, стр. 14.

начально образуется свободный союзъ, задающійся опредѣленною, чисто хозяйственною цѣлью—устроить извѣстное оросительное сооруженіе; и уже этотъ союзъ становится замкнутою единицею землевладѣнія и водовладѣнія, внутри которой, такъ или иначе, осуществляются общинно-уравнительныя функціи. И то, и другое—частные случаи и проявленія того общаго правила, что *не община вырабатываетъ изъ себя и внутри себя общинно-уравнительные порядки землепользованія*, а наоборотъ: совмѣстное жительство и въ особенности совмѣстное пользованіе угодьями, вообще соприкосновеніе на почвѣ пользованія тѣми или иными угодьями, заставляетъ людей вырабатывать тѣ или другіе *земельные распорядки*, которые и *являются началомъ, создающимъ общину изъ разрозненныхъ единицъ или мелкихъ селидебныхъ группъ*.

Мы пришли, такимъ образомъ, къ довольно парадоксальному, на первый взглядъ, выводу: значитъ, возможно существованіе общинно-уравнительныхъ порядковъ землепользованія, при отсутствіи чего-либо такого, что̀ можно было бы назвать общиной? значитъ, не община творитъ, вырабатываетъ уравнительныя формы пользованія землею?... Данныя объ иородческомъ землевладѣніи и землепользованіи заставляютъ признать правильнымъ именно этотъ парадоксальный выводъ, который—мы увидимъ ниже—всецѣло согласуется съ тѣмъ, что̀ намъ извѣстно объ эволюціи землепользованія у крестьянъ: *не община создаетъ уравнительные порядки землепользованія*, не община творитъ общинное обычное право, а наоборотъ, *на общинно-уравнительныхъ порядкахъ слагается и спаивается земельная община*. Совмѣстная жизнь и совмѣстное использованіе угодій создаютъ извѣстныя общія хозяйственныя потребности, создаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, потребность въ примиреніи сталкивающихся между собой и конкурирующихъ интересовъ, въ урегулированіи пользованія тѣмъ или другимъ угодьемъ или всѣми угодьями вообще; эта потребность связываетъ, объединяетъ ту или иную, иногда болѣе узкую, иногда болѣе широкую группу, и эта группа беретъ на себя выполненіе извѣстныхъ хозяйственныхъ и землеуравнительныхъ функцій. Какъ различны эти функціи по объему и содержанію, такъ различны могутъ быть и слагающіяся для ихъ выполненія группы: для разныхъ цѣлей возникаютъ самыя разнообразныя группировки—разнообразныя не только по задачамъ, но также по размѣрамъ и составу,—группировки не только концентрическія, но и эксцентрическія, взаимно пересѣкающіяся и скрещивающіяся, такъ что каждый индивидъ или каждая мелкая селидебная группа можетъ принадлежать, по разнымъ основаніямъ, къ весьма разнообразнымъ по размѣрамъ и составу группировкамъ. *Не органъ, община, создаетъ функцію*—общинно-уравнительные порядки; наоборотъ, *функція создаетъ для себя соотвѣтственный органъ*. И какъ самыя функціи у полукочевого населенія не отличаются еще полною выработанностью и опредѣленностью, такъ не вполнѣ выработанъ и дифференцированъ осуществляющій эти функціи органъ: мы имѣемъ у нихъ дѣло *не съ готовою*, законченною въ своемъ

формированіи *общиною*, а *съ разнообразными*, крайне пестрыми по объему, составу и задачамъ зародышевыми *общинными группировками*.

Между тѣмъ этотъ выводъ, который намъ предстоитъ еще провѣрить на данныхъ, касающихся генезиса земельной общины у крестьянъ, имѣетъ весьма существенное общее значеніе: если онъ окажется правильнымъ,— значитъ община не есть нѣчто изначала данное, она не есть и продуктъ непосредственной эволюціи или разложенія какихъ-либо первоначальныхъ бытовыхъ общественныхъ соединеній; напротивъ, она представляетъ собой продуктъ *сложенія*—результатъ новыхъ, появляющихся съ развитіемъ осѣдлаго быта и земледѣльческаго хозяйства, потребностей. Первоначальною основою общиннаго права является нѣкоторое, гораздо болѣе широкое, общее право пользованія землею; на почвѣ этого права между людьми возникаютъ извѣстныя отношенія и столкновенія; для регулированія первыхъ и для устраненія вторыхъ возникаютъ извѣстныя группировки, берущія на себя тѣ или другія конкретныя задачи, и изъ этихъ группировокъ, въ концѣ-концовъ, вырабатывается законченная земельная община.

II.

Въ первой части этого очерка мы прослѣдили процессъ сложенія общины и развитія формъ землепользованія у кочевого и полукочевого, или, что въ данномъ случаѣ до нѣкоторой степени синонимъ, у нерусскаго населенія Азіатской Россіи. Теперь мы должны перейти къ эволюціи землевладѣнія и землепользованія у *крестьянъ*, изобразить процессъ сложенія *русской*, крестьянской земельной общины. Кой-какими данными по этому вопросу мы располагаемъ для окраинныхъ областей Европейской Россіи, главнымъ образомъ для казачьихъ, отчасти—для сѣверныхъ ея губерній, а также для нѣкоторыхъ изъ мѣстностей, вошедшихъ въ границы обширнаго района земскихъ статистическихъ изслѣдованій. Но, несомнѣнно, главнымъ источникомъ свѣдѣній о процессѣ сложенія крестьянской земельной общины въ настоящее время являются и, можно съ извѣстною увѣренностью сказать, навсегда останутся данныя мѣстныхъ изслѣдованій, произведенныхъ въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ въ четырехъ сибирскимъ губерніяхъ, нѣсколько позднѣе, въ 1897 году—въ Забайкальской области. Этотъ матеріалъ представляется единственнымъ въ своемъ родѣ по своему изобилію и сравнительной полнотѣ,—и въ то же самое время установленные сибирскимъ изслѣдованіемъ факты представляютъ исключительный интересъ по самому существу дѣла; это, съ одной стороны потому, что въ Сибири могутъ быть наблюдаемы въ настоящее время тѣ процессы, которые въ большей части Европейской Россіи уже отошли въ область преданій; съ другой—еще и потому, что процессъ эволюціи землевладѣнія и землепользованія въ Сибири происходилъ въ наибольшей мѣрѣ независимо отъ административнаго и вообще правительственнаго воздѣйствія, которое, напримѣръ, на сѣверѣ и въ ка-

зачьихъ областяхъ Европейской Россіи успѣло наложить специфическую окраску на многія явленія.

Изъ тѣхъ двухъ частныхъ вопросовъ, на которые распадается вопросъ о процессѣ сложенія крестьянской общины, я намѣренъ подробнѣе остановиться на одномъ: на вопросѣ объ эволюціи формъ *землевладѣнія*, иначе сказать—о *генезисѣ общины*, какъ союза, владѣющаго и распоряжающагося землей. На другомъ вопросѣ—объ эволюціи формъ пользованія землею, въ частности о развитіи уравнительнаго землепользованія изъ первоначальныхъ захватныхъ формъ, я остановлюсь лишь въ самыхъ общихъ чертахъ: *этого* вопроса мнѣ неоднократно случалось касаться въ періодической печати, этому вопросу я десять лѣтъ тому назадъ посвятилъ спеціальную монографію, и въ настоящее время я могъ бы прибавить лишь немного новаго къ тому, что было сказано частью мною въ упомянутой монографіи, частью—К. Р. Качоровскимъ въ I-мъ и, къ сожалѣнію, пока единственномъ томѣ его «Русской общины», С. П. Швецовымъ въ его работахъ по алтайской общинѣ, М. А. Кролемъ въ его работѣ о формахъ землепользованія въ Забайкальѣ и А. А. Чупровымъ въ его изданной на нѣмецкомъ языкѣ монографіи о земельной общинѣ.

Начну съ нѣсколькихъ словъ о ходѣ заселенія страны,—именно только съ нѣсколькихъ словъ, поскольку этотъ вопросъ непосредственно связанъ съ занимающимъ насъ вопросомъ о генезисѣ общины и объ эволюціи формъ землевладѣнія и землепользованія.

Типичный процессъ разселенія—единственный, который можетъ насъ интересовать въ настоящую минуту, - это процессъ образованія заимокъ—сибирскій синонимъ малороссійскаго хутора или вологодскаго починка; на заимки выселяются крестьяне ранѣе существовавшихъ селеній той же мѣстности—губерніи, уѣзда или волости; заимками садятся, точнѣе садились, и выходцы изъ Европейской Россіи, которые по тѣмъ или другимъ основаніямъ предпочитали идти въ невѣдомую тайгу. Такъ или иначе возникшая заимка мало-по-малу разрасталась въ болѣе или менѣе значительный поселокъ, село или деревню,—во многихъ мѣстностяхъ Сибири и по сейчасъ можно найти селенія, иногда громадныя села, сохранившія названіе «заимки» съ тѣмъ или другимъ къ нему прилагательнымъ; и эти селенія, разросшіяся изъ заимокъ, въ свою очередь выдѣляютъ изъ себя новыя заимки. Ростъ заимокъ и превращеніе ихъ въ селенія происходилъ двоякимъ путемъ: иногда—исключительно путемъ естественнаго размноженія той семьи или тѣхъ двухъ-трехъ семей, которыя основали заимку; чаще заимка разрасталась, главнымъ образомъ, путемъ постепеннаго приселенія другихъ семей,—иногда односельчанъ первыхъ заимщиковъ, иногда крестьянъ постороннихъ селеній, нерѣдко выходцевъ изъ другихъ уѣздовъ или губерній. Въ первомъ случаѣ получалась «однопородная деревня»; въ лѣсной полосѣ Тобольской губерніи—назову, напримѣръ, лично мною изслѣдованный Туринскій уѣздъ—имѣются десятки селеній, нерѣдко въ 20, 30 и до 50 дворовъ, гдѣ всѣ жители носятъ одну или двѣ фамиліи,—из-

рѣдка такія «однопородныя» селенія встрѣчаются и въ степныхъ мѣстностяхъ. Во второмъ, далеко болѣе обычномъ случаѣ получается «разнопородная» деревня или село, безъ всякой, даже номинальной родственной связи между односельчанами, кромѣ развѣ только родства между небольшими группами послѣднихъ. Замѣчу теперь же, что мѣстное изслѣдованіе, поскольку ему приходилось встрѣчаться съ «однопородными» селеніями, не даетъ никакихъ указаній на наличность какой-либо разницы въ эволюціи формъ землевладѣнія и землепользованія между «однопородными» и «разнопородными» селеніями».

Въ тѣснѣйшей связи съ такимъ порядкомъ разселенія стоятъ и первоначальныя формы землепользованія, въ значительной мѣрѣ—и землевладѣнія.

Проще всего дѣло обстоитъ, очевидно, тогда, когда въ глухомъ лѣсу или въ дикой степи, вдали отъ всякаго другого поселенія, возникаетъ одиночная заимка. Въ лѣсу просторно, сосѣдей нѣтъ, ни съ кѣмъ сталкиваться не приходится,—и вотъ, образованіе «заимки», этой первичной формы поселенія, сопровождается «вольною заимкою», «занятіемъ» угодій, этою первичною формой землевладѣнія и землепользованія; земля вольная—паши гдѣ хочешь и сколько хочешь; владѣй, «куда топоръ, соха и коса ходятъ». Но то же самое—пока просторно!—продолжается и тогда, когда заимка разрастается въ селеніе: въ селеніи уже не одинъ, а нѣсколько или много дворовъ,—но къ чему регулировать землепользованіе, къ чему стѣснять свободу «заимки» угодій, когда всѣмъ просторно, когда никто никого не стѣсняетъ, когда земли хватаетъ всѣмъ?... И вотъ, на этой почвѣ развивается неограниченный захватъ, какъ первоначальная, зачаточная форма пользованія землею. Его проявленія, его типы вырабатываются въ строгомъ соотвѣтствіи съ чисто хозяйственными условіями эксплоатаціи отдѣльныхъ угодій и видовъ угодій.

Я говорилъ, что селеніе, возникшее изъ заимки, опять даетъ отъ себя заимки—разница только въ томъ, что эти новыя заимки возникаютъ уже не въ глухомъ «казенномъ» лѣсу, а на территоріи, освоенной извѣстнымъ селеніемъ или группою селеній—не на «порожней», а на «нашей», крестьянской землѣ. Но разница чисто принципіальная—существо дѣла, пока имѣется налицо достаточный просторъ, остается то же: каждый можетъ выселиться на заимку, или устроить себѣ временную, наѣздную заимку, можетъ огородить вокругъ нея поскотину; этому не только никто «не препятствуетъ»—обычное право, олицетворяемое волостнымъ судомъ, защищаетъ права заимщика, воспрещая постороннимъ лицамъ даже «подпахиваться» къ его усадьбѣ, его городьбѣ и пашнямъ.

По отношенію къ пашнямъ первобытная «заимка» облекается чаще всего въ форму самаго неограниченнаго захвата. Захватъ, хотя и имѣетъ, можетъ быть (на этомъ особенно настаиваетъ К. Р. Качоровскій), *принципіальное* основаніе въ затрачиваемомъ на разработку земли трудѣ, но фактически обосновываетъ исключительное право владѣнія и пользова-

ПРОЛЕТАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

нія землею независимо отъ *дѣйствительной* затраты труда: достаточно «очертить» растущій на извѣстномъ пространствѣ лѣсъ,—мало того, достаточно положить мѣтки на граничныя деревья,—и «чертежъ» на неопредѣленное время поступаетъ въ исключительное владѣніе и распоряженіе зачертившаго или положившаго мѣтки; мало и этого—достаточно распахать нѣсколько полосъ, и все пространство пустолежащихъ земель, лежащее между этими полосами, становится исключительнымъ достояніемъ, «занятіемъ» распахавшаго. Если затѣмъ пашня послѣ нѣсколькихъ хлѣбовъ заброшена—залежь, опять-таки на неопредѣленное время, остается въ исключительномъ распоряженіи перваго заимщика: только онъ можетъ косить растущую на ней траву, только онъ имѣетъ право распахать ее вновь, когда залежь отдохнетъ и «задернѣетъ». Это, повидимому, преобладающая форма первобытнаго захвата по отношенію къ пахотнымъ землямъ. Мѣстами, однако, наприм., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Алтайскаго округа и въ Забайкальѣ, такой типъ захватнаго владѣнія, гдѣ захватъ самъ по себѣ является правотворящимъ факторомъ, складывается лишь по отношенію къ лѣснымъ пашнямъ, требующимъ предварительной расчистки; по отношенію къ «гладкимъ» пашнямъ, распахиваемымъ безъ предварительной расчистки, наблюдается та же форма захватнаго пользованія, какую мы уже наблюдали у переходящихъ къ осѣдлости кочевниковъ: распаханная пашня остается достояніемъ распахавшаго только до тѣхъ поръ, пока она не заброшена и пока отдохнувшая залежь не сравняется съ окружающею цѣлинною степью.

Приблизительно такіе же или во всякомъ случаѣ аналогичные порядки складываются по отношенію къ расчищеннымъ изъ-подъ лѣса сѣнокосамъ, по отношенію къ пасѣкамъ, къ окопаннымъ и забереженнымъ лѣснымъ участкамъ («сады») и т. п.,—и такимъ образомъ первоначальною формой пользованія по отношенію къ ряду угодій является прочный захватъ, опирающійся на длящіяся отношенія человѣка къ застроенной, расчищенной или распаханной землѣ; право заимщика на его «занятіе» настолько широко и прочно, что занятыя земли передаются по наслѣдству и переуступаются—«продаются» по единоличному усмотрѣнію заимщика, безъ всякаго съ чьей-либо стороны контроля.

Иначе складывается первобытный захватъ по отношенію къ такимъ угодьямъ, типичнѣйшимъ представителемъ которыхъ являются степные или луговые, вообще не требовавшіе предварительной расчистки, сѣнокосы. По отношенію къ угодьямъ *этого* типа нѣтъ почвы для образованія длящихся захватныхъ формъ пользованія,—они въ этомъ отношеніи рѣзко отличаются отъ угодій того типа, которымъ мы занимались до сихъ поръ. Если, въ самомъ дѣлѣ, я распахалъ цѣлинную степь и, по заведенному въ Сибири порядку, продержалъ ее годъ подъ паромъ, то очевидно, что я имѣю въ виду произвести на распаханной цѣлинѣ *нѣсколько* посѣвовъ—иначе не окупится мой трудъ по подъему цѣлины; тѣмъ болѣе должно быть мнѣ гарантировано продолжительное пользованіе, если я за-

тратилъ трудъ на предварительную расчистку пашни изъ-подъ лѣса; но если я въ данномъ году выкосилъ извѣстный участокъ луга или степи, то изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы я непремѣнно и въ будущемъ году долженъ былъ косить тотъ же участокъ: въ будущемъ году, можетъ быть, мнѣ вздумается косить другой, а мой нынѣшній покосъ, можетъ быть, вздумается косить кому-нибудь другому; можетъ быть и то, что на моемъ нынѣшнемъ участкѣ и вовсе не уродится трава. Поэтому по отношенію къ луговымъ и степнымъ сѣнокосамъ не можетъ сложиться и дѣйствительно не складывается длящихся захватныхъ формъ: первобытною формою пользованія такими сѣнокосами является иногда просто свободное пользованіе—коси гдѣ хочешь и сколько хочешь; иногда—захватъ *на данный сѣнокосный періодъ*,—та форма, которая у уральскихъ казаковъ носитъ названіе «ударнаго» сѣнокошенія. Въ условленный заранѣе моментъ, въ Уральской общинѣ обозначаемый «ударомъ» въ церковный колоколъ, всѣ бросаются вразсыпную, кто верхомъ, кто на телѣгѣ,—каждый старается какъ можно скорѣе доскакать до заранѣе облюбованнаго урочища и окосить здѣсь, однимъ прокосомъ, возможно болѣе обширное пространство; все, что ему удастся окосить въ теченіе назначеннаго для «закоса» дня, поступаетъ на весь данный сѣнокосный періодъ въ исключительное распоряженіе закосившаго; на слѣдующій годъ «закосъ» производится заново и можетъ, очевидно, привести къ совершенно другому распредѣленію сѣнокосовъ.

Таковы формы первобытнаго захвата. Само собою разумѣется, что о какой-либо уравнительности распредѣленія угодій здѣсь не можетъ быть и рѣчи,—какъ разъ наоборотъ: каждый зачерчиваетъ, распахиваетъ, закашиваетъ, огораживаетъ по своей силѣ,—а сила эта вѣдь не только физическая, но и экономическая, сила не только труда, но и капитала; наряду съ «занятіями», обнимающими сотни десятинъ однихъ только пашенъ и сѣнокосовъ, у очень многихъ хватаетъ «силы» на какихъ-нибудь двѣ-три десятины пашни и нѣсколько десятковъ копенъ покоса, а значительная часть населенія въ районахъ первобытнаго захвата и вовсе не имѣетъ пашни и покоса, слѣдовательно фактически вовсе не осуществляетъ своего права пользованія землею. Но это ни для кого не можетъ быть «обидно», ибо самый послѣдній бѣднякъ *можетъ* занять подъ пашню и сѣнокосъ столько же земли, сколько занято у перваго богача, и обширныя «занятія» послѣдняго никому не мѣшаютъ и никого не ограничиваютъ въ возможности пользованія землею.

Но вотъ постепенно надвигается «утѣсненіе»; оно надвигается тѣмъ быстрѣе, что, кромѣ простого, естественнаго прироста населенія, послѣднее увеличивается и путемъ принятія въ общества переселенцевъ, и—въ Сибири до недавняго времени—путемъ причисленія ссыльныхъ; что, съ другой стороны, параллельно съ естественнымъ и механическимъ приростомъ населенія идутъ правительственныя мѣропріятія, направленныя къ «урегулированію» землепользованія, проще сказать къ тому, чтобы ввести послѣднее въ опредѣленныя рамки, а остающіяся внѣ этихъ послѣднихъ

земли использовать для водворенія переселенцевъ или для какихъ-нибудь другихъ государственныхъ цѣлей: какъ бы ни были широки нормы, по которымъ опредѣлялось количество земли, оставлявшееся въ распоряженіи мѣстнаго населенія,—по сравненію съ прежнимъ, безграничнымъ просторомъ оно представляло собой уже болѣе или менѣе рѣзко выраженное «утѣсненіе».

Но при такомъ положеніи дѣлъ неограниченно-свободный захватъ, попрежнему выгодный для наиболѣе сильныхъ элементовъ крестьянства, начинаетъ становиться стѣснительнымъ для другихъ: наступаетъ такой моментъ, когда если не вся земля, то во всякомъ случаѣ—вся лучшая по качеству и наиболѣе доступная для обращенія подъ культуру, оказывается, такъ или иначе, захваченною въ «занятія» болѣе состоятельныхъ дворовъ, и какъ приросту населенія, такъ и тѣмъ дворамъ, которые почему-либо начинаютъ испытывать потребность въ расширеніи своихъ запашекъ, оказывается уже неоткуда взять подходящей для этого земли: все занято, осталось одно только «неудобіе»—земля съ плохою почвою или покрытая лѣсомъ, требующимъ слишкомъ много труда для разработки въ угодья.

И вотъ начинаетъ формироваться *новое* обычное право—шагъ за шагомъ входятъ въ обычай тѣ или другія, все болѣе и болѣе ощутительныя ограниченія первобытной свободной заимки угодій; входя въ систему и и постепенно налагаясь, такъ сказать, одно на другое, они постепенно приводятъ къ все болѣе и болѣе ясно выраженнымъ, все болѣе и болѣе выработаннымъ формамъ уравнительнаго землепользованія.

Однимъ изъ первыхъ симптомовъ этой эволюціи является борьба селъ и деревень съ остающеюся въ нихъ, по большей части, бѣднотою, противъ заимокъ и хуторовъ—явленіе, повсемѣстно наблюдаемое на данной стадіи эволюціи, но особенно рѣзко проявлявшееся у кубанскихъ казаковъ. Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ эта борьба составляла у нихъ, повидимому, главное содержаніе и во всякомъ случаѣ — наиболѣе рѣзко бросавшееся въ глаза явленіе въ области земельныхъ отношеній: загороженныя при заимкахъ поскотины занимаютъ обширныя пространства земли—ихъ, въ концѣ-концовъ, ломаютъ и заставляютъ ихъ владѣльцевъ подчиняться общимъ для всѣхъ, никого не стѣсняющимъ порядкамъ выпаса скота въ деревенской поскотинѣ и на другихъ пространствахъ, предназначаемыхъ «обществомъ» для выпаса скота; заимщики уклоняются отъ участія въ деревенскихъ натуральныхъ повинностяхъ — ихъ заставляютъ бросать заимки и переѣзжать на жительство въ деревни; прежнее запрещеніе «подпахиваться» къ заимкѣ постепенно исчезаетъ, и волостные суды начинаютъ исходить и въ этомъ случаѣ изъ принципа «сохѣ препятствовать нельзя». Въ концѣ-концовъ заимка исчезаетъ, какъ форма землепользованія, и остается только какъ способъ разселенія, какъ простой пріемъ веденія хозяйства: она остается жилищемъ и помѣщеніемъ для скота, которое, по соображеніямъ хозяйственнаго удобства, используется владѣльцемъ въ теченіе той или другой части лѣтняго періода.

Параллельно съ этимъ идутъ и другія ограниченія первобытнаго захвата. Это, мы знаемъ, былъ именно *захватъ*; если, можетъ быть, онъ и имѣлъ, какъ на этомъ настаиваетъ К. Р. Качоровскій, трудовые корни, то на практикѣ онъ имѣлъ силу и независимо отъ дѣйствительной затраты труда. Постепенно отсѣкаются эти чисто-захватные элементы: устанавляются, постепенно сокращаются и въ концѣ-концовъ исчезаютъ сроки исключительнаго владѣнія «чертежами» и исключительнаго пользованія залежью, — въ концѣ концовъ остается *чистое трудовое* право на обрабатываемую землю, возникающее съ моментомъ первой затраты труда на обработку и прекращающееся съ ея прекращеніемъ; первобытный захватъ переходитъ этимъ способомъ въ ограниченный захватъ, при которомъ, напримѣръ, пашня, разъ она брошена кѣмъ-либо въ залежь, можетъ быть вновь распахана всякимъ другимъ, и только чисто хозяйственныя соображенія ведутъ на практикѣ къ тому, что выпаханная и потому брошенная пашня ранѣе истеченія нѣсколькихъ лѣтъ не захватывается и не распахивается никѣмъ другимъ.

На нѣкоторое время маломощная масса населенія успокаивается на этомъ: она получаетъ возможность расширять свое пользованіе за счетъ обширныхъ пространствъ «чертежей» и отдохнувшихъ залежей, и этого запаса хватаетъ на болѣе или менѣе продолжительное время.

Но, такъ или иначе, населеніе продолжаетъ расти; такъ или иначе, «утѣсненіе» обостряется сильнѣе и сильнѣе: конечно—это надо всемѣрно подчеркивать—сибирское, *относительное* утѣсненіе, которое было бы такимъ же широкимъ просторомъ для средне-русскаго трехпольнаго крестьянина, какимъ средне-русское «малоземелье» показалось бы, напримѣръ, вестфальскому или бельгійскому земледѣльцу. Мало-по-малу оказываются занятыми и распаханными и всѣ сколько-нибудь отдохнувшія залежи—свободными отъ трудового пользованія остаются либо мало привлекательныя, по плохой почвѣ или по трудности расчистки, «пустыя» земли, либо залежи, еще не успѣвшія отдохнуть. Начинаются споры и столкновенія изъ-за распашки залежей, за разрѣшеніемъ споровъ начинаютъ обращаться къ «обществу», «міру», къ «старикамъ», и въ результатѣ появляются *отводы*. Это, сначала, простая санкція трудового захвата, простое засвидѣтельствованіе захватнаго права или разрѣшеніе возникшаго спора: начавшій пахать извѣстное «польцо» проситъ отвода, чтобы устранить уже заявленныя или могущія возникнуть притязанія другихъ на то же «польцо». Но разъ ставъ на этотъ путь, эволюція на немъ не останавливается; проявляющіяся въ первыхъ отводахъ функціи «общества», какъ нотаріуса, частью судьи, постепенно становятся функціями *распоряженія* землею, изъ практики отводовъ постепенно вырабатываются *отводы-отрѣзки*. Разъ больше не осталось свободныхъ земель, которыя стоило бы распахивать, вниманіе тѣхъ Ивановъ, Петровъ и Сидоровъ, у которыхъ занято и распахано особенно мало, или которые по той или иной причинѣ вовсе не имѣютъ запашки, обращается на тѣхъ Сидоровъ, Петровъ и Ивановъ, у

которыхъ захвачено особенно много, у которыхъ одна запашка сплошь и рядомъ занимаетъ по пятидесяти, по сту и болѣе десятинъ. Начинаются распри: какъ мѣтко формулировалъ тотъ же К. Р. Качоровскій, одни ссылаются на *право затраченнаго труда*, «мы разработали землю, такъ неужто ее можно у насъ отнять?...» другіе исходятъ изъ своего *права на трудъ*— «не вамъ однимъ надо питаться и работать, мы такіе же крестьяне, намъ тоже нужно, на чемъ работать». Въ концѣ-концовъ какой-нибудь особенно ретивый и настойчивый Иванъ, очень часто изъ ссыльно-поселенцевъ, добивается того, что «старики» вмѣшиваются въ дѣло и отводятъ ему десятинку-другую пашни, отобравъ ее у какого-нибудь особенно широко распахавшагося Петра. Но лиха бѣда начать—труденъ только первый шагъ: за первою отрѣзкою слѣдуетъ другая, тамъ третья, въ концѣ-концовъ въ практику входятъ *частныя поравненія*—отрѣзка земли у однихъ, имѣющихъ явный избытокъ, для отвода ея другимъ, ощущающимъ столько же явный недостатокъ въ землѣ. Эти частныя поравненія дѣйствуютъ какъ стругъ—они срѣзаютъ слишкомъ грубыя неровности. Разъ онѣ срѣзаны, уже легко выстрогать ровную поверхность: разъ путемъ частныхъ поравненій устранена слишкомъ рѣзко бросающаяся въ глаза неравномѣрность въ распредѣленіи пашенъ, разъ, такимъ образомъ, сломлено сопротивленіе тѣхъ, кто наиболѣе заинтересованъ былъ въ сохраненіи стараго порядка пользованія «по силѣ», то сравнительно легко проходитъ и *общее поравненіе*—грубая форма передѣла: если въ обществѣ еще и остались лица, которымъ это поравненіе невыгодно, то ихъ мало, заинтересованность ихъ уже не такъ сильна,—а въ то же время *всѣ* заинтересованы въ томъ, чтобы установить какія-нибудь общія основанія распредѣленія земли и этимъ способомъ устранить тѣ постоянныя столкновенія и распри, которыми сопровождался каждый случай частнаго передѣла; общее поравненіе и передѣлъ особенно легко проходятъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ предварительно была проведена, въ болѣе или менѣе полной мѣрѣ, раскладка платежей и повинностей по запашкѣ и скоту: тогда у болѣе состоятельныхъ элементовъ отпадаетъ главный стимулъ отстаивать старые порядки—возможность безплатнаго пользованія значительными количествами земли. Въ свою очередь, отъ общаго поравненія, этой грубой формы коренного передѣла, уже не труденъ переходъ къ болѣе тонкимъ формамъ, къ настоящему «дѣлежу земли», связанному съ точнымъ ея измѣреніемъ и, почти безъ исключенія, съ распредѣленіемъ ея на сорта.

Это—одинъ путь эволюціи отъ захватныхъ формъ къ уравнительному пользованію пашнями. Очень часто, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ какъ общее правило, встрѣчается нѣсколько иной путь: къ общему передѣлу подходятъ не съ такою осторожностью и постепенностью, но сначала подвергаютъ такому передѣлу только *извѣстную часть* пашенъ, оставляя другія въ свободномъ, захватномъ пользованіи. Иногда основаніемъ для такой, такъ сказать, бифуркаціи пользованія служитъ достоинство, цѣнность разныхъ видовъ пашенъ: дѣлятъ, напримѣръ, лучшія по почвѣ

«гривы»—«первый грунтъ», или поддворныя пашни,—а болѣе слабыми или болѣе отдаленными, «отъѣзжими», продолжаютъ пользоваться «по силѣ»; это, между прочимъ, потому, что настаивающая на передѣлѣ бѣднота, всегда стремящаяся пахать какъ можно ближе къ деревнѣ, значитъ получить свою долю поддворныхъ пашенъ, мало заинтересована въ отъѣзжихъ пашняхъ, куда ей нѣтъ разсчета забираться изъ-за какихъ-нибудь нѣсколькихъ десятинъ посѣва, тогда какъ для «замо̀жныхъ» хозяевъ, имѣющихъ или могущихъ устроить себѣ заимки, эти отъѣзжія пашни представляются нерѣдко особенно привлекательными. Иногда эволюція слѣдуетъ по линіи наименьшаго сопротивленія: въ передѣлъ поступаютъ, прежде всего, такія пашни, по отношенію къ которымъ не приходится или сравнительно мало приходится считаться съ захватными правами, со ссылками на право затраченнаго труда: въ общій передѣлъ пускаютъ какую-нибудь «выгородку»—площадь, прежде входившую въ черту присельнаго выгона и, въ виду «утѣсненія», предназначенную подъ распашку; либо подвергаютъ передѣлу «гладкія» пашни, не требовавшія предварительной расчистки, и оставляютъ въ захватномъ пользованіи лѣсныя, на расчистку которыхъ былъ затраченъ значительный трудъ. И даже когда общіе передѣлы уже вошли въ обычный порядокъ, въ передѣлъ нигдѣ не включаются расчистки, не успѣвшія, по приблизительному разсчету, окупить затраченнаго на корчевку труда; онѣ оставляются зайнтересованнымъ домохозяевамъ сверхъ душевой нормы, на время, сообразованное съ трудностью расчистки.

Аналогично по существу идетъ эволюція пользованія тѣми угодьями, по отношенію къ которымъ первоначальною формой пользованія былъ не длящійся, а кратковременный захватъ, въ частности естественными сѣнокосами. Дѣло начинается съ того, что исчезаетъ обычай закоса: разъ стало «тѣсно», онъ становится крайне стѣснительнымъ для бѣдноты—богачи въ полдня могутъ закосить всѣ сѣнокосы, какіе только есть, и бѣднотѣ въ такомъ случаѣ «некуда дѣваться». Облеченный въ форму закоса захватъ сѣнокосныхъ угодій на весь данный сѣнокосный періодъ смѣняется абсолютно свободнымъ пользованіемъ: каждый можетъ косить гдѣ и сколько ему вздумается, но никто не можетъ помѣшать другому косить хотя бы «коса о косу», непосредственно рядомъ съ собою. Параллельно съ этимъ, иногда даже раньше, устанавливаются тѣ или иныя ограниченія, преслѣдующія все ту же цѣль — оградить «бѣдноту» отъ стѣсненія со стороны «замо̀жныхъ» домохозяевъ: устанавливается день начала сѣнокоса; появляется запрещеніе выходить на вольный покосъ съ поденщиками-косцами, и такимъ образомъ достигается нѣкоторая пропорціональность пользованія покосами съ рабочимъ составомъ каждой данной семьи. Иногда прямо опредѣляется число косцовъ, какое можетъ высылать на вольные покосы каждая платежная или вообще разверсточная душа, причемъ, въ частности, въ казачьихъ общинахъ урядникамъ и офицерамъ, въ соотвѣтствіи съ чиномъ, предоставляется право на увеличенное число косцовъ; получается

такимъ образомъ форма, которую можно назвать релугированнымъ захватомъ и при которой въ значительной мѣрѣ достигается уже пропорціональность распредѣленія сѣнокосовъ. Въ Сибири эволюція идетъ нѣсколько инымъ путемъ: изъ вольнаго сѣнокошенія, путемъ едва замѣтныхъ, крайне трудно уловимыхъ переходовъ, развивается ежегодный передѣлъ однимъ изъ обычныхъ въ Сибири способовъ, въ основѣ которыхъ лежитъ не точное измѣреніе, а принципъ «субъективнаго равенства» или равноцѣнности отдѣльныхъ сѣнокосныхъ долей. Дѣло начинается съ простого уговора: «ты здѣсь коси, а я тамъ буду»; такъ какъ каждый при этомъ старается оставить за собой такое мѣсто, гдѣ бы ему не было слишкомъ тѣсно, то этимъ путемъ достигается нѣкоторая, грубо приблизительная равномѣрность распредѣленія покосовъ; если нѣсколько человѣкъ сговорились косить на одномъ сѣнокосномъ урочищѣ, они, опять-таки, уговариваются между собой: «одному одинъ уголъ косить, другому—другой». На нѣсколько позднѣйшей ступени начинаютъ выѣзжать «всѣмъ обществомъ» для осмотра покосовъ, и при этомъ осмотрѣ опять-таки условливаются: кому гдѣ косить; если кто-нибудь прогадаетъ при такомъ распредѣленіи, тому «старики» прирѣжутъ отъ сосѣда, которому удалось оставить за собой несоразмѣрно большой участокъ. Отсюда уже совсѣмъ незамѣтный переходъ къ передѣлу «набоемъ» или «съ торговъ» — настолько незамѣтный, что крестьяне, въ видѣ правила, не могутъ даже указать времени, когда у нихъ начали «дѣлить покосы»; и уловить моментъ окончательнаго перехода къ уравнительному пользованію особенно трудно тамъ, гдѣ въ теченіе извѣстнаго времени держится двойственный порядокъ пользованія: когда трава уродилась хорошо—косятъ вольно, при плохомъ урожаѣ травъ передѣляютъ покосы.

Вотъ въ какихъ общихъ чертахъ рисуется, по отношенію къ основнымъ видамъ и категоріямъ угодій, процессъ перехода отъ первобытныхъ захватныхъ формъ къ общинно-уравнительному пользованію. И это долгій и трудный процессъ, при которомъ и съ той, и съ другой стороны дѣйствуютъ не только аргументы правового и нравственнаго порядка, но кромѣ того и, можетъ быть, главнымъ образомъ — сила: и притомъ не только та «сила», то вліяніе, которымъ пользуются въ «обществѣ» богачи-заимщики, или та сила, которую представляетъ собою большинство, но и простое, грубое, физическое насиліе, не останавливающееся передъ употребленіемъ кольевъ и оглобель, а иногда и настоящаго оружія. Въ этой борьбѣ богачи-заимщики нерѣдко дѣйствуютъ пріемами, какъ бы доводящими до абсурда именно тѣ ограниченія захвата, съ которыми они хотятъ бороться. Упраздняется, напримѣръ, запрещеніе «подпахиваться» къ заимкамъ; бѣднякъ со своею сохой подъѣдетъ близко къ заимкѣ богача, а тотъ выѣдетъ съ тремя-четырьмя сабанами и кругомъ опашетъ бѣдняка, такъ что тому «некуда и пошевелиться». Устраняется право «закоса»; къ мѣсту, гдѣ расположился косить богачъ, слишкомъ близко становится какой-нибудь однодушный, вообще слабый однообщественникъ, а богачъ со своимъ де-

сяткомъ косцовъ окоситъ бѣдняка кругомъ, такъ что тому негдѣ накосить сѣна и на самый маленькій зародъ...

Аналогичный въ существѣ процессъ наблюдается и по отношенію ко всѣмъ другимъ угодьямъ: вездѣ тотъ же самый переходъ отъ первобытнаго вольнаго захвата къ тѣмъ или другимъ формамъ регулированнаго, уравнительнаго пользованія — только эти формы варьируютъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ характеромъ хозяйственной эксплоатаціи тѣхъ или другихъ угодій. По отношенію къ выгонамъ дѣло начинается—какъ я упоминалъ — съ уничтоженія заимочныхъ поскотинъ; на мѣсто захвата становится неограниченное свободное пользованіе общественными выгонами и пастбищами — свободное въ смыслѣ количества выпасаемаго скота, но подчиняющееся въ хозяйственномъ отношеніи установляемымъ «міромъ» или установленнымъ традиціею общимъ распорядкамъ; мѣстами дѣло дошло уже и до уравнительныхъ формъ, конечно не въ видѣ раздѣла выгоновъ въ натурѣ, совершенно несовмѣстимаго съ экстенсивнымъ характеромъ скотоводства, а въ формѣ «расположки скотскаго выпуска» — особой системы пропорціональнаго обложенія выпасаемаго скота. По отношенію къ лѣсамъ дѣло осложняется вліяніемъ лѣсоохранительныхъ мотивовъ, вступающихъ въ конфликтъ и съ абсолютною свободою пользованія, и съ строго-проводимымъ принципомъ уравнительнаго распредѣленія. Дѣло начинается, конечно, съ абсолютной свободы рубки лѣса, и притомъ не только на собственныя нужды, но и на продажу; но параллельно съ этимъ во многихъ мѣстностяхъ появляется нѣчто вродѣ «заимочнаго права» по отношенію къ «садамъ» — лѣснымъ участкамъ, заберегаемымъ отдѣльными домохозяевами. Когда прежній избытокъ лѣсовъ, избытокъ, при которомъ лѣсъ разсматривался скорѣе какъ врагъ, подлежащій уничтоженію, уступаетъ мѣсто «стѣсненію», тогда появляются въ однѣхъ мѣстностяхъ «заказы» общественнаго лѣса—запрещенія рубки на извѣстный срокъ, по истеченіи котораго отпускъ лѣса изъ подросшихъ насажденій производится въ установленномъ «міромъ» порядкѣ, съ уравнительнымъ распредѣленіемъ его между общественниками; въ другихъ мѣстностяхъ на мѣсто свободнаго становится душевое пользованіе общественными лѣсами: послѣдніе подвергаются передѣлу на продолжительные сроки, причемъ самыя формы передѣла лѣсовъ носятъ сильный отпечатокъ вліянія лѣсоохранительнаго начала. Я не буду уже говорить о рядѣ угодій третьестепеннаго, въ общемъ, значенія, вродѣ кедровниковъ, коноплянниковъ, пасѣкъ и т. п.,—коснусь вкратцѣ еще только рыболовныхъ угодій, пользованіе которыми—гдѣ рыболовство имѣетъ существенное значеніе для крестьянъ — облекается въ очень своеобразныя формы, крайне интересныя, между прочимъ, въ виду тѣсной, проявляющейся въ нихъ связи между общиною, какъ земельнымъ союзомъ, и простою хозяйственною артелью. Рыболовство «мелкою снастью», повидимому безъ исключенія, остается вольнымъ и не подчиняется никакимъ ограниченіямъ. Гдѣ для рыболовства требуется затрата болѣе или менѣе значительнаго капитала

или устройство крупныхъ сооруженій, вродѣ заколовъ, перегораживающихъ теченіе рѣки, тамъ промыселъ ведется въ артельной формѣ. Въ мѣстностяхъ съ большими запасами рыбы наблюдаются разнообразныя въ частностяхъ, но однородныя по существу формы артели-общины, гдѣ право участія въ промысловыхъ артеляхъ принадлежитъ только членамъ общины и притомъ пропорціонально числу, у каждаго, разверсточныхъ, земельно-платежныхъ единицъ, причемъ равномѣрное распредѣленіе труда и продукта достигается путемъ очень остроумныхъ комбинацій «пая», какъ трудовой или производственной единицы, съ «душою»—единицею распредѣленія продукта. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ истощенія запасовъ рыбы, эта артель-община уступаетъ мѣсто вольной артели, — такому порядку, когда право рыболовства принадлежитъ, правда, по прежнему только членамъ земельной общины, но каждый изъ нихъ можетъ заниматься промысломъ или входить для этой цѣли въ артельныя соединенія съ другими, совершенно независимо отъ какихъ-либо общинныхъ распорядковъ. Здѣсь, такимъ образомъ, постепенность эволюціи *обратная* той, какую мы наблюдали по отношенію ко всѣмъ другимъ угодьямъ: не вольное пользованіе смѣняется уравнительнымъ, а наоборотъ. Но это исключеніе только подтверждаетъ правило: уравнительное пользованіе пашнями, покосами, лѣсомъ и т. п., является на смѣну вольному по мѣрѣ того, какъ надвигающееся «утѣсненіе» создаетъ усиленный спросъ на угодья и сообщаетъ послѣднимъ болѣе значительную цѣнность, создавая ранѣе отсутствовавшую рентную доходность угодій. По отношенію къ рыболовнымъ угодьямъ дѣло обстоитъ иначе: пока запасы рыбы велики, рыболовство даетъ болѣе или менѣе значительный чистый доходъ, сверхъ оплаты затрачиваемаго труда; задачей артели-общины является распредѣленіе именно этого дохода, носящаго несомнѣнный рентный характеръ; съ истощеніемъ запасовъ рыбы цѣна «водной души» — права на участіе въ общественномъ рыболовствѣ, постепенно падаетъ до нуля: при такомъ положеніи дѣлъ у «общества» отпадаетъ интересъ входить въ рыболовные распорядки, и исчезаетъ смыслъ существованія уравнительнаго порядка пользованія общественными рыбными ловлями.

Какой же, спрашивается теперь, общій смыслъ набросанной на предыдущихъ страницахъ картины? Смыслъ этотъ ясенъ: неопредѣленныя, расплывчатыя формы абсолютно-свободнаго захвата, гдѣ только при очень большомъ желаніи можно найти признаки существованія общины и общиннаго права, — и постепенный переходъ отъ этихъ первобытныхъ формъ пользованія къ совершенно опредѣленнымъ, ясно выраженнымъ общинно-уравнительнымъ формамъ; переходъ, идущій въ самомъ строгомъ соотвѣтствіи съ постепенно обостряющимся «утѣсненіемъ».

Почему же, спрашивается теперь, эволюція формъ пользованія идетъ именно въ такомъ, а не въ какомъ-либо иномъ направленіи, въ частности— не въ направленіи укрѣпленія первобытнаго захвата и выработки прочнаго подворнаго владѣнія? Играли ли при этомъ роль, и какую именно, такія

Библиотека имени

обстоятельства, какъ законодательство, регулирующее крестьянскіе земельные распорядки, какъ административное давленіе, какъ податная система съ подушною податью во главѣ,—этимъ вопросомъ намъ удобнѣе будетъ заняться въ послѣдующей, заключительной части настоящаго очерка; предвосхищая то, что будетъ говориться тамъ болѣе или менѣе подробно, я замѣчу здѣсь только въ двухъ словахъ, что данныя мѣстнаго изслѣдованія позволяютъ дать на этотъ вопросъ, въ общемъ, отрицательный отвѣтъ. Такой же отвѣтъ приходится дать и на вопросъ о значеніи этнографическаго момента, о значеніи общинныхъ традицій, которыя населеніе многоземельныхъ окраинъ, въ частности Сибири, могло принести съ собою съ родины, или которыя могли быть привнесены впослѣдствіи подселявшимися къ старожилому населенію переселенцами. О вліяніи чисто этнографическаго элемента,—иначе сказать, объ общинныхъ формахъ, какъ о какомъ-то *специфически-русскомъ* явленіи, очевидно, говорить не приходится: вѣдь не менѣе выработанныя формы общинно-уравнительнаго пользованія встрѣчаются хотя бы у забайкальскихъ бурятъ; съ несомнѣннымъ, хотя и очень своеобразнымъ по формамъ, общиннымъ владѣніемъ и пользованіемъ мы встрѣчаемся у туземнаго населенія Закавказья, гдѣ о вліяніи русскаго примѣра не можетъ быть и рѣчи. Нельзя придавать сколько-нибудь серьезнаго значенія и вліянію «общинныхъ традицій»: вѣдь старожилое населеніе, напримѣръ, Сибири—это потомки людей, уходившихъ изъ Европейской и главнымъ образомъ изъ сѣверной Россіи въ такія времена, когда и здѣсь, какъ можно съ извѣстною увѣренностью думать, еще не существовало передѣловъ; если эти первые насельники Сибири и передѣляли на родинѣ тѣ или другія угодья—можетъ быть, сѣнокосы,—то они конечно не поддерживали передѣльныхъ традицій, когда селились разрозненными заимками на необъятномъ сибирскомъ просторѣ; если они и приходили съ такими традиціями,—это не мѣшало тому, что у нихъ вырабатывалось не уравнительное, а какъ разъ наоборотъ—исключающее всякую уравнительность захватное пользованіе. А тѣ ихъ отдаленные потомки, которые, послѣ длинной эволюціи, въ концѣ-концовъ принимались передѣлять землю, конечно не сохранили въ своей памяти какихъ бы то ни было общинныхъ традицій. И сейчасъ переселенцы изъ Европейской Россіи,—безразлично притомъ, общинники-великороссы или подворники-малороссы,—и не думаютъ передѣлять землю, разъ они располагаютъ въ избыткѣ необходимыми угодьями; мнѣ лично приходилось наблюдать у уссурійскихъ переселенцевъ типичный первобытный захватъ, причемъ захваченныя площади даже не зачерчивались, а просто опахивались кругомъ одною бороздою; и наоборотъ—при наличности «утѣсненія», наступающаго раньше всего по отношенію къ покосамъ, переселенцы, опять-таки безразлично—великороссы или малороссы, установляютъ у себя душевое пользованіе угодьями. При такихъ обстоятельствахъ, очевидно, не приходится говорить и о заносѣ общинныхъ формъ переселенцами; тѣмъ болѣе объ этомъ не приходится говорить потому, что наиболѣе напряженныя и выработанныя формы

общинно-уравнительнаго пользованія господствуютъ какъ разъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ переселенческій элементъ безусловно отсутствуетъ или по крайней мѣрѣ отсутствовалъ въ то время, когда производилось мѣстное изслѣдованіе (Туринскій и Тобольскій уѣзды, Тобольской губерніи, и т. п.); эти формы успѣли сложиться здѣсь, конечно, и не въ силу какихъ-либо особыхъ мѣстныхъ традицій, а просто въ силу природныхъ условій, создававшихъ, при кажущемся безграничномъ просторѣ, острый недостатокъ въ важнѣйшихъ для крестьянскаго хозяйства культурныхъ угодьяхъ. Если уже искать какихъ-либо постороннихъ вліяній, то въ Сибири, несомнѣнно, нѣкоторую роль въ данномъ отношеніи сыграли причислявшіеся къ обществамъ крестьяне изъ ссыльныхъ и ссыльно-поселенцы,—сыграли, конечно, не потому, чтобы они являлись носителями общинныхъ традицій, а по другой, гораздо болѣе простой и прозаической причинѣ: въ громадной массѣ ссыльные представляли собой не-трудовой элементъ; для нихъ, поэтому, не могло имѣть никакого реальнаго значенія то право свободнаго пользованія, которымъ, до извѣстнаго момента, вполнѣ довольствовались старожилы; ссыльный не могъ ничего извлечь изъ этого «права»; ему нужно было получить нѣчто реальное—земельный пай, который можно было бы сейчасъ же сдать въ аренду, хотя бы за самую незначительную сумму. Вотъ почему ссыльный элементъ всегда становился на сторону тѣхъ, кто требовалъ передѣла; и такъ какъ это былъ элементъ очень безпокойный, то его настоянія нерѣдко являлись немаловажнымъ факторомъ, ускорявшимъ наступленіе передѣла.

Но, конечно, и это обстоятельство могло именно только *ускорить* эволюцію, но не могло ея *создать*. Въ основѣ своей эволюція формъ землепользованія на нашихъ многоземельныхъ окраинахъ, въ частности въ Сибири, представляетъ собою совершенно естественный процессъ, главнымъ двигателемъ котораго является прогрессировавшее утѣсненіе: по мѣрѣ обостренія послѣдняго первоначальныя свободныя, захватныя формы пользованія становились все болѣе стѣснительными для большинства, и настоянія послѣдняго имѣли своимъ послѣдствіемъ переходъ къ регулированному пользованію съ все болѣе и болѣе ясно выраженнымъ уравнительнымъ характеромъ. Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ входить въ ближайшій разборъ вопроса, что такое это «утѣсненіе»,—замѣчу только, что это—понятіе далеко не столь простое, какъ можетъ показаться на первый взглядъ, — что степень утѣсненія не можетъ быть измѣрена, напримѣръ, цифрами, показывающими отношеніе населенія къ территоріи губерніи, уѣзда, даже волости: прежде всего, абсолютный избытокъ пространствъ нерѣдко совмѣщается съ недостаткомъ тѣхъ собственно угодій, какія необходимы для крестьянскаго хозяйства; а съ другой стороны и самая потребность въ тѣхъ или другихъ угодьяхъ, въ частности—въ пашняхъ или сѣнокосахъ, зависитъ, въ значительной степени, отъ выработавшагося въ извѣстной мѣстности типа крестьянскаго хозяйства—отъ относительнаго значенія хлѣбопашества и скотоводства и

т. п. обстоятельствъ; даже такое обстоятельство, какъ процвѣтаніе или упадокъ неземледѣльческихъ промысловъ, можетъ задерживающимъ или ускоряющимъ образомъ повліять на эволюцію формъ пользованія: въ частности, упадокъ промысловъ заставляетъ населеніе расширять запашки,— отсюда обостреніе «утѣсненія», отсюда—ускоренный переходъ къ уравнительному пользованію.

Но всетаки, почему прогрессирующее «утѣсненіе» приводило *именно къ такой*, а не къ обратной эволюціи—къ развитію уравнительнаго пользованія, а не къ фиксаціи подворнаго владѣнія?... Это, можетъ быть, возможно объяснять вліяніемъ «права на трудъ?» но почему это право повліяло въ данномъ направленіи въ Сибири, вѣроятно повліяло такъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, и не помѣшало фиксаціи подворнаго владѣнія на Украйнѣ? *Это*, мнѣ думается, вопросъ, выходящій изъ области научнаго познанія,—вопросъ, на который каждый будетъ отвѣчать согласно своимъ личнымъ вкусамъ и своей симпатіи къ тому или другому общественному идеалу; это—вопросъ, отвѣтъ на который едва ли когда-нибудь можно будетъ вывести изъ области гаданій. И оставаясь въ области гаданій, я лично склоненъ думать, что переходъ отъ захватныхъ къ уравнительнымъ формамъ землепользованія былъ именно *нормальнымъ*, *естественнымъ* ходомъ эволюціи; вмѣстѣ съ К. Р. Качоровскимъ я думаю, что для того, чтобы эволюція приняла *именно такой*, а не обратный видъ, было достаточно *простого невмѣшательства*, *нейтралитета* государственной власти. Обратное—фиксація подворнаго владѣнія—могло наступить *только* при ея активномъ воздѣйствіи.

Но опять таки, *что такое община* въ районахъ сложенія общинно-уравнительныхъ формъ пользованія землею? Я и теперь намѣренно избѣгалъ употреблять это выраженіе—я говорилъ о «старикахъ», о мірѣ, «обществѣ» и т. п.; ибо, мнѣ кажется, *общины*, какъ замкнутаго во внѣ и объединеннаго внутри союза лицъ, владѣющаго землей и ею распоряжающагося, въ этихъ районахъ еще нѣтъ: земельная община *слагается* параллельно съ эволюціею формъ землепользованія, параллельно съ исчезновеніемъ первобытнаго захвата и съ выработкою общинно-уравнительнаго землепользованія.

Какъ извѣстно, споръ о происхожденіи земельной общины въ значительной мѣрѣ сводится къ вопросу: родовая—или сосѣдская община? Мы видѣли, что на нашихъ окраинахъ, въ частности въ Сибири, встрѣчаются «однопородныя» селенія,—но преобладающій типъ представляютъ селенія «разнопородныя»; немало встрѣчается такихъ селеній, населеніе которыхъ трудно назвать иначе, какъ случайнымъ сбродомъ—сбродомъ со всѣхъ концовъ Россіи,—достаточно упомянуть о деревняхъ, сплошь или почти сплошь состоящихъ изъ ссыльныхъ и «посельскихъ дѣтей». И прежде всего необходимо подчеркнуть то уже мимоходомъ отмѣчавшееся обстоятельство, что мѣстныя изслѣдованія не даютъ ни малѣйшихъ указаній на то, чтобы

«однопородность», «разнопородность» или простая сбродность населенія какъ-либо отражалась на эволюціи формъ землевладѣнія, на послѣдовательности перехода отъ захвата къ уравнительному пользованію. Отсюда, мнѣ кажется, законный выводъ: «однопородность», если она мѣстами и наблюдается, отнюдь не представляетъ собою *необходимаго* признака, не является существенною предпосылкой установленнаго на предыдущихъ страницахъ хода эволюціи землепользованія. Если выбирать то и другое изъ обычныхъ рѣшеній вопроса, то община, какъ таковая, оказывается никакъ *не родовою*, а скорѣе *сосѣдскою* группой. А существованіе селеній сброднаго состава, ничѣмъ не отличающихся отъ другихъ въ интересующемъ насъ направленіи, является не лишеннымъ значенія противупоказаніемъ противъ мнѣнія, усматривающаго въ общинѣ того или другого типа продуктъ разложенія первобытныхъ родовыхъ союзовъ: и чисто сбродная, и даже просто «разнопородная» община, преобладающая въ Сибири, возникли внѣ всякаго отношенія къ родовымъ союзамъ.

Но на этомъ отвѣтѣ мы не можемъ остановиться: въ дѣйствительности ни однопородное, ни разнопородное селеніе, какъ таковое, еще не представляетъ собой *общины*,—тѣ землераспредѣлительныя функціи, въ которыхъ нельзя не видѣть *сути* общины, до наступленія извѣстной степени «утѣсненія» совершенно отсутствуютъ, а затѣмъ, позже, онѣ самымъ причудливымъ образомъ распыляются между волостью, группами селеній самаго разнообразнаго объема и отдѣльнымъ селеніемъ.

Мы наблюдаемъ прежде всего типичную *волостную* общину съ равномѣрнымъ распредѣленіемъ передѣляемыхъ угодій между всѣми входящими въ составъ волости селеніями; распредѣленіе это производится иногда путемъ двухстепеннаго или даже трехстепеннаго передѣла — волость сначала уравниваетъ пользованіе даннымъ угодьемъ, по тому или другому основанію, между селеніями, а затѣмъ каждое селеніе отдѣльно производитъ передѣлъ между своими общественниками, для котораго установляетъ самостоятельно и самыя основанія; иногда волостная община дѣйствуетъ какъ простая деревенская и производитъ передѣлъ угодій непосредственно между отдѣльными дворами или домохозяйствами. Въ Сибири такая волостная община встрѣчается вездѣ, гдѣ существуетъ развитое общинно-уравнительное пользованіе — и въ западной Сибири, именно въ Тобольской губерніи, и въ средней—въ Иркутской губерніи и въ Забайкальѣ.

Въ чемъ же теперь, спрашивается, источникъ, корень этого волостного единства владѣнія и пользованія землею? Отвѣтъ на этотъ вопросъ едва ли можно дать съ достаточною степенью достовѣрности. Мнѣ извѣстенъ одинъ—но только одинъ случай (Туринская волость, Тобольской губ.), гдѣ волость представляетъ собою не что иное, какъ громадное село съ выселками, изъ которыхъ нѣкоторые успѣли уже разрости въ крупныя селенія,— гдѣ, значитъ, волостная община имѣетъ свой корень въ исторіи заселенія волости. Въ рядѣ другихъ случаевъ, преимущественно на сѣверѣ Тобольской губерніи, волостное земельное единство, можно думать, является естествен-

нымъ слѣдствіемъ своеобразнаго расположенія угодій, которое до крайности затруднило бы обособленіе селенныхъ владѣній: селенія расположены «кучей» при большой рѣкѣ, тутъ же располагаются заливные луга, отъ нихъ тянется полоса удобряемыхъ трехпольныхъ пашенъ, затѣмъ—широкая полоса лѣсныхъ пространствъ, болѣе или менѣе пригодныхъ для распашки и усѣянныхъ болѣе или менѣе крупными сѣнокосными участками; разбить такую волостную дачу на поселенные участки, иначе сказать уничтожить волостную общину, было бы возможно—разъ придерживаться крестьянскихъ понятій о равномѣрности распредѣленія земли—не иначе, какъ при условіи крайней чрезполосицы и мелкополосицы: каждому селенію пришлось бы отвести, можетъ быть, десятки клочковъ угодій разнаго рода и качества, лежащихъ въ различномъ разстояніи отъ селеній; такая разбивка сдѣлала бы, притомъ, если не невозможнымъ, то во всякомъ случаѣ крайне затруднительнымъ тотъ процессъ разселенія «на волока», который до сихъ поръ происходилъ и сейчасъ происходитъ безпрепятственно и безъ котораго, при достигнутой уже въ данной мѣстности степени населенности, очень скоро настанетъ острое малоземелье—въ смыслѣ недостатка въ пахотныхъ земляхъ, доступныхъ для хозяйства съ удобреніемъ. Во многихъ случаяхъ однако, повидимому въ большинствѣ, уловить какія-либо внутреннія основанія волостного единства владѣнія и пользованія землею, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ добытаго мѣстнымъ изслѣдованіемъ матеріала, не представляется возможности. Но во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, гдѣ существуютъ или существовали волостныя общины, въ точномъ смыслѣ этого слова, или вообще замкнутыя сложныя общины, обнимающія болѣе или менѣе многочисленныя группы селеній, имѣется налицо *одно* условіе, *одинъ* общій признакъ: *общая межевая* или юридическая *дача:* волостныя или многоселенныя общины, въ строгомъ смыслѣ этого слова, встрѣчаются *только* тамъ, гдѣ было какое-либо межеваніе, и гдѣ земля при этомъ межеваніи была отведена или «приведена въ извѣстность» въ видѣ волостныхъ или многоселенныхъ дачъ. И очень можетъ быть—наши источники и въ данномъ случаѣ не даютъ возможности пойти далѣе предположеній, что въ условіяхъ межеванія нужно видѣть—не единственную, конечно, причину, — но во всякомъ случаѣ одну изъ причинъ, одно изъ существенныхъ условій возникновенія волостныхъ или многоселенныхъ общинъ. Межеваніе — это не подлежитъ сомнѣнію—не создало волостной общины изъ ничего; оно не объединило въ пользованіи землею такихъ селеній, которыя ранѣе составляли вполнѣ замкнутыя и обособленныя общины; но явившись въ такой моментъ, когда община находилась еще въ фазисѣ сложенія, когда въ той безформенной картинѣ, какую представляло изъ себя землевладѣніе извѣстной волости или группы селеній, были еще очень сильны элементы общности владѣнія и до извѣстной степени—пользованія землею, оно дало перевѣсъ этимъ элементамъ общности, послужило толчкомъ къ наступленію общихъ волостныхъ передѣловъ и надолго задержало естественный процессъ обособленія землевладѣнія и землепользованія. Но именно только задержало: вездѣ,

повидимому безъ исключенія, мы наблюдаемъ процессъ разложенія волостныхъ, вообще многоселенныхъ общинъ, и постепеннаго распаденія ихъ на общины односеленныя, иногда на мелкія группы, состоящія ихъ двухъ, рѣдко изъ трехъ селеній, расположенныхъ по близости и почему-либо тѣснѣе связанныхъ между собой въ земельно-хозяйственномъ отношеніи. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ—по крайней мѣрѣ въ западной Сибири—эти былыя волостныя общины уже окончательно распались, и ихъ распаденіе зафиксировано либо размежеваніемъ при участіи правительственныхъ землемѣровъ, либо общимъ соглашеніемъ всѣхъ заинтересованныхъ селенныхъ обществъ, установившимъ навсегда междуселенныя границы. Въ другихъ мы наблюдаемъ еще самый процессъ такого распаденія, успѣхи котораго въ отдѣльныхъ случаяхъ весьма различны: данныя мѣстныхъ изслѣдованій даютъ намъ цѣлую гамму ступеней, начиная отъ такихъ волостей, гдѣ селенія, болѣе или менѣе во всемъ, уже совершенно обособились, и волостное единство либо уже стало совершенно номинальнымъ, либо выражается лишь въ общности пользованія какимъ-нибудь дальнимъ покосомъ, лѣсорубомъ и т. п.,—и кончая такими, гдѣ распаденіе можно скорѣе еще только предвидѣть, чѣмъ констатировать какъ фактъ,—гдѣ, напримѣръ, симптомомъ распаденія являются пока еще только затрудненія, встрѣчаемыя при производствѣ общеволостного передѣла. И какъ единодушно констатируютъ очень многіе изъ тѣхъ, кто въ послѣднее время трудился надъ научною разработкой вопроса о волостной общинѣ и о процессѣ ея разложенія, напр., К. Р. Качоровскій, А. А. Чупровъ, В. В. и др.,—распаденіе *волостныхъ общинъ* отнюдь не равносильно распаденію *общиннаго землевладѣнія*; наоборотъ — распаденіе волостного землевладѣнія и формированіе селенныхъ общинъ идетъ въ общемъ *параллельно* съ развитіемъ и укорененіемъ тѣхъ уравнительныхъ формъ пользованія, которыя составляютъ вѣдь высшее изъ до сихъ поръ извѣстныхъ проявленій принципа общиннаго землевладѣнія. И это понятно: волость, вообще многочисленная группа селеній—это единица слишкомъ слабо спаянная, интересы различныхъ селеній слишкомъ часто взаимно противорѣчивы, въ частности—мелкія селенія слишкомъ часто подвергаются притѣсненіямъ со стороны большихъ; волостной передѣльный механизмъ слишкомъ громоздокъ, производство волостныхъ передѣловъ, поэтому, требуетъ слишкомъ большихъ затратъ времени и труда, и, сплошь и рядомъ, попытки произвести такого рода передѣлъ разбиваются о связанныя съ нимъ чисто техническія затрудненія. И вотъ волостное единство держится, пока преобладаютъ захватныя формы, но становится неудобнымъ и стѣснительнымъ, когда настаетъ необходимость въ передѣлѣ,—и потому переходъ къ уравнительному пользованію имѣетъ своимъ естественнымъ послѣдствіемъ распаденіе волостной общины на деревенскія. «На извѣстной ступени густоты населенія,—правильно замѣчаетъ К. Р. Качоровскій *),—она почти всегда

*) „Русск. община“, т. I, стр. 105 (цитирую по 1-му изд.).

(особенно въ Сибири) становится крайне нецѣлесообразной, уже хотя бы по одному тому, что охватываетъ пространства въ десятки верстъ совершенно разнокачественныхъ угодій, требующихъ огромнаго количества труда для періодическаго равномѣрнаго распредѣленія, —и поэтому разложеніе ея на общины-селенія представляетъ шагъ къ развитію, а не къ упадку общинной организаціи, такъ какъ въ этомъ случаѣ общинная форма, переставшая соотвѣтствовать уравнительному распредѣленію, замѣняется формою, болѣе къ тому приспособленною».

Для насъ, впрочемъ, въ данное время этотъ собственно вопросъ представляетъ лишь второстепенный интересъ; самое важное для насъ—это то, что получающаяся въ результатѣ распаденія волостной общины селенная община представляетъ собою, очевидно, *не продуктъ разложенія* какихъ-либо первобытныхъ, родовыхъ соединеній, *не исконную или во всякомъ случаѣ издавнюю земельную ячейку*, вырабатывающую въ себѣ и изъ себя общинное право; поскольку она является продуктомъ разложенія—она продуктъ разложенія гораздо болѣе обширнаго, чисто-земельнаго союза, въ которомъ было бы совершенно безполезно искать элементовъ какой-либо первобытной родовой связи и который, въ свою очередь, создался исключительно на почвѣ общихъ земельныхъ интересовъ и столкновеній этихъ интересовъ; и не менѣе ясно, что выдѣлившаяся изъ волостной *селенная община не предшествуетъ общинно-уравнительнымъ формамъ, не творитъ ихъ*, —напротивъ, *она слѣдуетъ за ними и слагается подъ вліяніемъ потребностей этихъ уже сложившихся или слагающихся общинно-уравнительныхъ формъ*.

Вотъ, значитъ, одинъ изъ путей образованія крестьянской деревенской общины, какъ замкнутаго вовнѣ и объединеннаго внутри земельнаго союза; въ этомъ случаѣ, очевидно, она является не первичною, а вторичною формою землевладѣнія, не творящимъ началомъ, а слѣдствіемъ эволюціи общинно-уравнительнаго землепользованія.

Болѣе обычнымъ является, повидимому, другой путь, иной процессъ сложенія селенной общины. Въ этомъ случаѣ первичною формой является та, которую К. Р. Качоровскій не совсѣмъ удачно называетъ «путаницей границъ»—не совсѣмъ удачно потому, что эта форма существуетъ именно тамъ, гдѣ нѣтъ *никакихъ* границъ, и гдѣ, значитъ, можетъ быть рѣчь только о *путаницѣ владѣній* *). По совершенно справедливому замѣчанію того же автора, «эта форма, столь распространенная и едва ли не преобладающая

*) Качоровскій, назв. соч., стр. 101—102; для пишущаго эти строки не совсѣмъ ясно, приходится ли констатировать у этого превосходнаго изслѣдователя только неточность выраженій, или нѣчто болѣе серьезное—недоразумѣніе по существу. Когда г. Качоровскій на стр. 101 говоритъ о „появленіи и развитіи границъ“, при которомъ „селенія группируются вокругъ данныхъ отдѣльныхъ угодій“,—то легко допустить, что онъ совершенно правильно представляетъ себѣ сущность дѣла, и что слово „границы“ употреблено просто въ не совсѣмъ обычномъ смыслѣ; но на стр. 102 г. Качоровскій уже прямо говоритъ о *„размежеваніи* по населеннымъ единицамъ

(несомнѣнно преобладающая! А. К.) въ Сибири, до сихъ поръ извѣстна сравнительно гораздо меньше волостной общины, а между тѣмъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляетъ гораздо большій интересъ *), въ частности въ томъ отношеніи, что, въ противоположность волостной общинѣ, въ которой «и границы, и форма даны извнѣ, административнымъ дѣленіемъ населенія», интересующій насъ теперь типъ «путаницы владѣній» «всецѣло вытекъ изъ иниціативы самихъ крестьянъ, и потому въ немъ наиболѣе чисто и ясно проявилось приспособленіе границъ къ условіямъ разселенія и земледѣльческаго производства» **).

Само собою разумѣется, что *селеніе* существуетъ и при такой путаницѣ владѣній, — и оно представляетъ собою прежде всего селидебную, затѣмъ административную, податную, до нѣкоторой степени хозяйственную единицу (общая городьба, «деревенскіе» пастухи и т. п.),—хотя, надо замѣтить, нерѣдко соединяется по нѣсколько селеній и для чисто-хозяйственныхъ цѣлей, если имъ удобнѣе имѣть общую городьбу, нанимать общихъ пастуховъ и т. п.

Но играетъ ли селеніе, въ данномъ случаѣ, роль *земельной* общины, и въ какой мѣрѣ можно вообще говорить о земельной общинѣ въ періодъ чисто-захватныхъ формъ или въ эпоху сложенія общинно-уравнительнаго землепользованія?

Вотъ картина землевладѣнія въ сѣверо-западной части Томской губерніи, въ районѣ съ преобладаніемъ захватныхъ формъ и съ зарождающимися еще только общинно-уравнительными порядками: «право пользованія лѣсомъ и неогороженными пастбищами принадлежитъ безраздѣльно крестьянамъ всѣхъ селеній волости; пашни и покосы фактически разбились на участки, состоящіе въ пользованіи отдѣльныхъ селеній; это распредѣленіе... установилось само собой, какъ естественный результатъ тяготѣнія крестьянъ каждаго селенія къ усадьбамъ этого послѣдняго, какъ результатъ сознанія неудобствъ, связанныхъ съ чрезмѣрнымъ удаленіемъ пашенъ и покосовъ отъ усадебъ и особенно съ приближеніемъ ихъ къ сферѣ пользованія крестьянъ другого селенія. Каждое селеніе эксплоатируетъ, такимъ образомъ, ближайшія урочища земельныхъ угодій въ количествѣ, приблизительно соотвѣтствующемъ численности его населенія, и такое распредѣленіе угодій настолько упрочилось въ сознаніи населенія, что отдѣльныя селенныя общины совершенно не стѣсняются передѣлять, когда признаютъ это нужнымъ, входящія въ сферу ихъ захватнаго владѣнія угодья (преимущественно сѣнокосы) по душамъ». Или вотъ аналогичная картина, какую намъ рисуютъ изслѣдователи общинныхъ порядковъ въ Иркутской

или по угодьямъ“ и констатируетъ, напримѣръ, что въ Иркутской губерніи преобладаетъ размежеваніе по угодьямъ; это, повидимому, уже недоразумѣніе по существу— ни о какомъ *размежеваніи* по угодьямъ ни въ Иркутской, ни въ какой бы то ни было другой губерніи не можетъ быть и рѣчи.

*) „Русская община“, стр. 103.

**) Стр. 104.

губерніи. И здѣсь черезполосица и общее владѣніе представляютъ собой, можно сказать, общее правило: «когда земля считается «Божьей», «ничьей», или что все равно, общей..., хозяева отдѣльныхъ сосѣднихъ селеній, пользуясь одинаковымъ правомъ разработки, выбираютъ участки въ перемежку другъ съ другомъ, вслѣдствіе чего оказывается черезполосица»; совмѣстное владѣніе разныхъ селеній замѣчается по отношенію къ выпускамъ, лѣсамъ (въ смыслѣ пользованія ими для заготовки лѣсного матеріала, а также и разработки въ нихъ земель), и главное—къ сѣнокосамъ. Обыкновенно такое совпаденіе устанавливалось весьма просто: былъ просторъ—рубили лѣсъ кто хотѣлъ изъ окрестныхъ селеній—значитъ лѣсъ считался общимъ ихъ достояніемъ; облюбовали пустое мѣсто, стали выгонять туда скотъ—опять изъ всѣхъ деревень, благо мѣсто ничье, общее, всѣмъ удобно, никто «не препятствуетъ» и не имѣетъ ни права, ни нужды воспрепятствовать. Нашли у рѣчки гладкое травянистое мѣсто,—травы «вволю», «хватитъ для всѣхъ», а въ окрестности болѣе удобныхъ покосныхъ мѣстъ нѣтъ,—вотъ и стали ѣздить туда на косьбу изъ всѣхъ окрестныхъ селеній,—такъ и сталъ покосъ общимъ для всѣхъ». Совмѣстное владѣніе, очевидно, устанавливается въ зависимости отъ степени изобилія и отъ расположенія каждаго отдѣльнаго рода угодій,—значитъ, отъ обстоятельствъ, складывающихся своеобразно въ каждой данной мѣстности и обыкновенно—для каждаго отдѣльнаго вида угодій, а потому оно можетъ существовать или не существовать по отношенію къ одному, и къ нѣсколькимъ, и ко всѣмъ угодьямъ; при этомъ по отношенію, напримѣръ, къ пашнямъ возможно совмѣстное владѣніе съ одними, по отношенію къ покосамъ или къ извѣстной части покосовъ—съ другими селеніями, а потому установленіе границъ общины въ такого рода случаяхъ является задачею болѣе чѣмъ затруднительною.

Обособленіе владѣній—мы только что видѣли—сопутствуетъ недостатку въ тѣхъ или другихъ угодьяхъ, вообще «утѣсненію»; но «утѣсненіе» является вѣдь главнымъ двигателемъ эволюціи отъ свободныхъ къ уравнительнымъ формамъ землепользованія. Весьма естественно, что обособленіе владѣній идетъ параллельно съ развитіемъ уравнительнаго землепользованія. Въ той же, напримѣръ, Иркутской губерніи покосныя угодья, имѣющіяся далеко не въ такомъ избыткѣ, какъ земли, пригодныя для распашки, а потому весьма цѣнныя, притомъ не требующія для своей эксплоатаціи предварительныхъ затратъ труда, почти вездѣ передѣляются по душамъ; въ соотвѣтствіи съ этимъ «покосныя общины» представляютъ собой нѣчто легко уловимое,—онѣ болѣе или менѣе рѣзко обособлены одна отъ другой. Обособленіе владѣнія пашнями наблюдается только въ тѣхъ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ дѣло дошло уже до поравненій; въ области господства захватнаго пользованія пашнями «особыхъ пахотныхъ общинъ не существуетъ вовсе»; взамѣнъ вопроса объ общемъ или раздѣльномъ *владѣніи* пашнями выступаетъ вопросъ объ относительной скученности или чрезполосности пахотныхъ полей крестьянъ отдѣль-

ныхъ селеній, и «понятно, что при правѣ свободнаго захвата незанятыхъ земель въ любомъ мѣстѣ, чрезполосность пахотныхъ земель встрѣчается несравненно чаще, нежели ихъ обособленность». И общій выводъ изъ анализа данныхъ о складѣ землевладѣнія въ районѣ преобладанія захватныхъ формъ, какъ я уже формулировалъ его десять лѣтъ тому назадъ, сводится къ тому, что община въ такихъ мѣстностяхъ существуетъ только въ зародышѣ, почему и внѣшнія ея границы являются болѣе или менѣе неуловимыми; она облекается въ плоть и въ кровь только тамъ, гдѣ появляется душевое пользованіе, но и здѣсь границы ея въ теченіе долгаго времени лишены опредѣленности,—онѣ сливаются и переплетаются между собой.

И дѣйствительно: такая полная спутанность и неопредѣленность границъ земельной общины, такая полная неопредѣленность, если можно такъ выразиться, субъекта землевладѣнія наблюдается даже въ мѣстностяхъ съ вполнѣ развитымъ общинно-уравнительнымъ пользованіемъ, мало того—въ мѣстностяхъ съ очень напряженными и тонко-выработанными формами послѣдняго, напримѣръ въ сѣверной, лѣсной части земледѣльческой полосы Тобольской губерніи. Здѣсь въ общемъ пользованіи, повсемѣстно, состоятъ еще лѣса, а затѣмъ «границы единицъ фактическаго землевладѣнія—земельныхъ общинъ совершенно не могутъ быть опредѣленно очерчены; по отношенію къ каждаго рода угодьямъ населеніе разбивается на совершенно отдѣльныя группы; такою группой является иногда отдѣльное селеніе, иногда состоящее изъ нѣсколькихъ селеній сельское общество, иногда нѣсколько селеній, не составляющихъ цѣлаго сельскаго общества или принадлежащихъ къ разнымъ обществамъ, иногда нѣсколько сельскихъ обществъ, иногда, наконецъ, цѣлая волость—и община-волость, община-сельское общество и община-селеніе переплетаются и пересѣкаются между собой въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ; такъ что каждое селеніе и каждый отдѣльный крестьянинъ въ отношеніи владѣнія разными видами земельныхъ и промысловыхъ угодій принадлежатъ къ нѣсколькимъ разнообразнымъ по объему бытовымъ союзамъ». Въ безконечномъ разнообразіи комбинацій можно однако усмотрѣть одну господствующую тенденцію—преобладаніе общины-«сотни», сельскаго общества, надъ общиною-селеніемъ и общиною-волостью,—преобладаніе, особенно рельефно сказывающееся по отношенію къ сѣнокосамъ и къ промысловымъ угодьямъ; по отношенію къ первымъ единство «сотни» является въ данной мѣстности правиломъ, не знающимъ исключенія. Напротивъ, распоряженіе пашнями сосредоточивается по преимуществу въ отдѣльномъ селеніи, «десяткѣ»—явленіе, лишній разъ свидѣтельствующее о той тѣснѣйшей зависимости, какая существуетъ между формами землевладѣнія и характеромъ хозяйства: въ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь, издавна ведется хозяйство съ удобреніемъ, при которомъ земля лишь постольку цѣнится крестьянами, поскольку она доступна, по своему мѣстоположенію, для вывозки навоза; между тѣмъ, если бы производились «поравненія»

между различными селеніями извѣстной «сотни», обыкновенно отстоящими другъ отъ друга болѣе или менѣе далеко, прирѣзки къ «десяткамъ», у которыхъ оказалась недостача земли, приходилось бы производить въ пахотныхъ «перемѣнахъ» другихъ «десятковъ»; въ прирѣзку поступали бы, значитъ, такія полосы, которыхъ, за отдаленностью, не было бы возможности удобрять, а потому обдѣленные землей «десятки» обыкновенно и не настаиваютъ на междуселенномъ, «сотенномъ» поравненіи.

Это—конечно, частности. Основная же сущность дѣла въ томъ, что и при наличности ясно выраженныхъ и детально разработанныхъ формъ общинно-уравнительнаго пользованія общины, какъ замкнутаго вовнѣ и объединеннаго внутри союза, совмѣстно владѣющаго и распоряжающагося землей, еще не существуетъ, что общинно-уравнительныя функціи остаются распыленными между самыми разнообразными по объему, взаимно-перекрещивающимися группами населенія.

Такимъ образомъ, у крестьянъ въ районѣ слагающагося общинно-уравнительнаго пользованія наблюдается, только въ болѣе полномъ объемѣ и въ яснѣе выраженномъ видѣ, тотъ же самый процессъ эволюціи землевладѣнія, какой мы наблюдали у переходящихъ къ осѣдлости кочевниковъ. *Не въ общинѣ слагаются общинные порядки — сама община слагается вмѣстѣ съ этими послѣдними;* не община творитъ общинное земельное право,—какъ это послѣднее, она является *продуктомъ извѣстной эволюціи, а не средою,* въ которой эта эволюція совершается; не органъ вырабатываетъ функцію, а функція создаетъ приспособленный для ея выполненія органъ *). Отдѣльные индивиды (заимщики!) и отдѣльныя селенія вступаютъ между собой въ извѣстныя отношенія на почвѣ пользованія тѣми или другими угодьями. Пока запасъ этихъ угодій значительно превышаетъ наличную потребность, пользованіе каждаго не подвергается никакимъ ограниченіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не существуетъ никакихъ границъ. Надвигающееся «утѣсненіе» вызываетъ необходимость въ регулированіи землепользованія, и за это дѣло берется каждая изъ тѣхъ безконечно пестрыхъ по объему и составу волостныхъ, многоселенныхъ или односеленныхъ, «однопородныхъ», «разнопородныхъ» или просто сбродныхъ группъ, въ которыя населеніе объединяется по чисто-хозяйственнымъ мотивамъ,— каждая изъ тѣхъ пестрыхъ группъ, внутри которыхъ индивиды соприкасаются и сталкиваются между собой на почвѣ пользованія тѣмъ или другимъ угодьемъ, тѣмъ или другимъ видомъ даннаго угодья, можетъ быть даже просто тѣмъ или инымъ пахотнымъ или сѣнокоснымъ урочищемъ.

---

*) Сходную по существу мысль высказываетъ С. П. Швецовъ въ своей статьѣ „Крестьянская община. Схема ея возникновенія и развитія“ (издана отдѣльной брошюрой. Спб., 1906.) „*Общинному землевладѣнію*—говоритъ онъ—въ смыслѣ совокупности отношеній общины въ ея цѣломъ къ землѣ, *должно было предшествовать* (курс. мой. *А. К.*) *общинное землепользованіе*, т.-е. установленіе опредѣленныхъ отношеній къ землѣ ея составныхъ единицъ — хозяйствъ: другими словами, *общинное землевладѣніе должно опираться на общинное землепользованіе*“.

Но по мѣрѣ того какъ вырабатываются и одерживаютъ верхъ общинно-уравнительныя формы, выясняется неудобство такихъ большихъ соединеній, какъ волость или многоселенная группа, выступаетъ на первый планъ та тѣсная сосѣдская связь, которая объединяетъ каждое данное селеніе и противопоставляетъ его съ его объединенными интересами интересамъ всѣхъ другихъ селеній, и изъ пестрой «путаницы владѣній» постепенно выкристаллизовывается община-селеніе, замкнутая вовнѣ и объединенная внутри, совмѣстно владѣющая и распоряжающаяся всѣми видами угодій,— выкристаллизовывается земельная община въ точномъ смыслѣ этого слова.

III.

На предыдущихъ страницахъ сведены—конечно, въ самыхъ общихъ чертахъ—данныя нашей «живой исторіи», касающіяся вопроса о генезисѣ и эволюціи земельной общины и общинно-уравнительныхъ формъ пользованія землею. Мнѣ остается теперь попытаться выяснить связь между этою «живою» исторіей и тою исторіей болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго, которая является объектомъ историческаго, въ собственномъ смыслѣ слова, изученія. Я и на этомъ вопросѣ остановлюсь лишь въ самыхъ общихъ чертахъ—подробнѣе мнѣ пришлось коснуться его на страницахъ одного спеціальнаго изданія, куда я и отсылаю читателя, который захотѣлъ бы ближе познакомиться съ мотивировкой изложенныхъ ниже соображеній *).

Мнѣ уже не приходится напоминать о томъ, въ чемъ суть полувѣковой исторической контроверзы по вопросу о генезисѣ русской земельной общины—въ чемъ суть спора между сторонниками естественной и государственной, если можно такъ ихъ обозначить, теорій ея происхожденія. Я обращусь поэтому непосредственно къ вопросу объ *источникѣ, первопричинѣ* этой контроверзы. Мнѣ представляется, что этотъ первоисточникъ—въ самомъ свойствѣ тѣхъ матеріаловъ, на которыхъ историкамъ, по самому существу дѣла, приходится строить свои заключенія, что вопросъ о причинахъ данной частной контроверзы представляетъ собой не болѣе, какъ частный случай важнаго общаго историко-методологическаго вопроса: о значеніи разныхъ категорій источниковъ, какъ основы историческаго познанія.

Попытки реконструировать генезисъ и историческій ходъ развитія русской земельной общины строятся, какъ извѣстно, всецѣло на разнаго рода актахъ, вообще на документальномъ, архивномъ матеріалѣ. Сторонники теоріи естественнаго зарожденія и развитія общиннаго владѣнія и пользованія землею ищутъ въ немъ доказательствъ нѣкогда происходившихъ передѣловъ; сторонники государственно-фискальной теоріи ищутъ въ немъ же доказательства тому, что община создана правительственными распоряженіями и произволомъ помѣщиковъ-душевладѣльцевъ. Но и тѣ,

*) См. мой очеркъ „Документы и живая исторія общины"—*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1904 г. и отдѣльная брошюра.

и другіе знаютъ лишь тѣ факты, которые оставили слѣдъ въ какомъ-нибудь актѣ или документѣ, и отвергаютъ или точнѣе—не знаютъ и не имѣютъ способа знать тѣхъ фактовъ, которые не оставили достаточно яснаго и достовѣрнаго документальнаго слѣда.

А между тѣмъ, значеніе и цѣнность документальнаго матеріала, какъ единственной основы и источника историческаго познанія, подвержены существеннымъ сомнѣніямъ. Подлинность документа—не безъ основанія констатируютъ Ланглуа и Сеньобосъ въ своемъ «Введеніи въ изученіе исторіи», «вызываетъ къ нему уваженіе и понуждаетъ безъ разсужденій принимать и его содержаніе», а между тѣмъ «выраженіе *подлинный* относится въ сущности только къ происхожденію, а не къ содержанію документа; назвать документъ подлиннымъ значитъ только сказать, что происхожденіе его не подлежитъ сомнѣнію,—но отсюда еще не слѣдуетъ, что и содержаніе его заслуживаетъ довѣрія». И такое довѣріе, какъ на этомъ настаиваетъ Бернгеймъ, авторъ, какъ кажется, наиболѣе обстоятельнаго спеціальнаго труда по исторической методологіи, можетъ служить поводомъ для серьезныхъ ошибокъ: «въ документахъ событія довольно часто изображаются, по какимъ-либо побужденіямъ, иначе, чѣмъ происходили въ дѣйствительности», съ другой стороны, «матеріалъ во многихъ случаяхъ сохранился въ столь неполномъ видѣ, что случайно сдѣлавшіеся намъ извѣстными документы даютъ одностороннее или даже совершенно невѣрное представленіе о дѣйствительныхъ событіяхъ»; даже при полной достовѣрности документы далеко не всегда свидѣтельствуетъ о фактѣ—«нерѣдко случается, что документы и акты были совершены въ законномъ порядкѣ, а между тѣмъ событія, къ которымъ они относятся или которыя должны были наступить, какъ ихъ послѣдствіе, въ дѣйствительности не наступили... Документы остаются несомнѣнными свидѣтельствами; но то заключеніе, которое я дѣлаю на основаніи этихъ документовъ, именно, что извѣстныя событія въ дѣйствительности наступили, будетъ преждевременнымъ, пока оно не подтверждено другими источниками, которые свидѣтельствовали бы, что данныя событія дѣйствительно имѣли мѣсто, въ соотвѣтствіи съ указаніями документовъ». Сами документы «очень часто только тогда становятся понятными, когда мы ихъ интерпретируемъ при помощи историческаго преданія»: возникнувъ для тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ практическихъ цѣлей, документы въ самомъ своемъ изложеніи согласованы именно только съ этими ближайшими цѣлями, а не съ задачами послѣдующаго историческаго изученія: «возникнувъ изъ извѣстныхъ отношеній, документы по большей части вовсе и не преслѣдуютъ цѣли быть понятными во всѣ времена и предназначаются для пониманія лишь непосредственно заинтересованныхъ лицъ»; самая редакція документа, поэтому, весьма часто даетъ поводъ для самыхъ разнообразныхъ толкованій, для самаго разнообразнаго пониманія событій, не только какъ *они въ* дѣйствительности *наступили*, но даже *какъ они изображаются* въ данномъ актѣ или документѣ или во всей совокупности сохранившихся актовъ и документовъ.

Историкъ, изучающій отдаленное прошлое русской земельной общины, лишенъ, повидимому, возможности интерпретировать сохранившіеся отъ прошлыхъ вѣковъ акты и документы при помощи свидѣтельствъ историческаго преданія—земельная община, какъ таковая, и происходившія въ ея внутренней жизни событія въ тѣ времена, разумѣется, никѣмъ не описывались и не изучались. Но то, что я позволяю себѣ называть живою ея исторіей, иначе сказать, изученіе современныхъ или весьма недавнихъ явленій эволюціи формъ землевладѣнія на нашихъ окраинахъ, значитъ непосредственное наблюденіе картины хозяйственныхъ и земельныхъ отношеній или возстановленіе ея по свѣжимъ воспоминаніямъ людей, непосредственно переживавшихъ эти отношенія,—такое изученіе, очевидно, даетъ полную возможность подобнаго рода интерпретаціи, такъ какъ располагаетъ, кромѣ весьма отрывочнаго и, нерѣдко, также «не предназначеннаго для пониманія во всѣ будущія времена», документальнаго матеріала, еще и весьма обширнымъ описательнымъ матеріаломъ мѣстныхъ экспедиціонныхъ изслѣдованій; *этотъ* матеріалъ, по существу обладающій, только въ потенцированной степени, всѣми свойствами историческаго преданія, можетъ служить превосходною провѣркою показаній документовъ, и такая провѣрка проливаетъ яркій свѣтъ, вообще, на ихъ значеніе и степень достовѣрности, какъ свидѣтельства о фактахъ. И такого рода провѣрка имѣетъ важное значеніе не только для тѣхъ, кто работаетъ въ области современныхъ земельныхъ отношеній, но и для тѣхъ, кто изучаетъ отдаленное прошлое: она способна въ принципѣ выяснить степень достовѣрности сужденій, основанныхъ на документальномъ матеріалѣ, и потому она поможетъ намъ разобраться и въ общемъ вопросѣ о внутренней достовѣрности документовъ, какъ источника изученія отдаленнаго прошлаго русской земельной общины, а въ извѣстной степени и въ болѣе общемъ историко-методологическомъ вопросѣ—о значеніи документовъ, какъ источника историческаго познанія.

Начну съ примѣра изъ нѣсколько иной сферы.

Въ 1896 году мнѣ довелось изслѣдовать арендныя отношенія русскихъ поселенцевъ въ одной изъ киргизскихъ областей. Въ основѣ этихъ отношеній лежала любопытная юридическая аномалія, созданная попыткою законодателя разрушить бытовыя земельныя отношенія у киргизъ и на мѣсто старыхъ, исторически-сложившихся союзовъ поставить волость и административное «аульное общество», въ качествѣ не только административныхъ, но и земельныхъ единицъ. Законъ предоставляетъ право сдачи земли въ аренду исключительно этимъ, искусственно-созданнымъ, соединеніямъ. Между тѣмъ фактически киргизская волость и аульное общество остались исключительно административными, а не земельными единицами; владѣніе землей пріурочивается къ разнообразнѣйшимъ другимъ соединеніямъ, нерѣдко даже къ отдѣльнымъ дворамъ. Получалось такое положеніе, что лица и соединенія лицъ, дѣйствительно владѣющія землею, не имѣли законнаго способа сдавать ее въ аренду, и такіе способы были предоставлены только административному соединенію, не обладающему ни пядью земли. Между

тѣмъ въ киргизской степи сидѣли и съ каждымъ годомъ подходили многія тысячи русскихъ поселенцевъ, и въ теченіе долгаго времени они не имѣли другого способа устраиваться, какъ на арендованной землѣ. Естественно, что жизнь должна была оказаться и дѣйствительно оказалась сильнѣе закона: при молчаливомъ согласіи администраціи, нерѣдко при дѣятельномъ ея сочувствіи, выработались разнообразнѣйшіе обходы послѣдняго—разнообразнѣйшія юридическія фикціи, вродѣ сдачи по фиктивнымъ приговорамъ не владѣющихъ ни пядью земли волостныхъ съѣздовъ, вродѣ столь же фиктивныхъ испольныхъ сдѣлокъ, подъ покровомъ которыхъ совершалась самая обыкновенная аренда и т. п.; очень обычны были и прямыя нарушенія закона: аренда по простымъ словеснымъ соглашеніямъ или даже по распискамъ, которыя однако, какъ лишенныя всякой законной силы, нигдѣ не регистрировались и, по большей части, уничтожались по истеченіи срока аренды.

Всѣ эти фиктивныя и нефиктивныя арендныя отношенія были подробно описаны въ одной моей спеціальной работѣ, нѣсколько позже—и въ трудахъ статистической экспедиціи Ф. А. Щербины. Предположимъ однако, что и эти труды, и моя работа не существовали или утратились, и что историкъ, наприм., XXII вѣка пишетъ исторію русско-киргизскихъ арендныхъ отношеній на основаніи однихъ тѣхъ только документовъ, какіе ему удастся найти въ разныхъ архивахъ; этотъ историкъ—если ему, притомъ, не посчастливится попасть на тѣ немногія бумаги, гдѣ имѣются прямыя указанія на фиктивный характеръ извѣстныхъ категорій сдѣлокъ—написалъ бы совершенно вѣрную документамъ, но безусловно невѣрную дѣйствительности, картину: для него волость оказалась бы, дѣйствительно, земельною единицей, сдающею землю въ аренду, а дѣйствительныя, бытовыя земельныя единицы остались бы ему совершенно неизвѣстными; онъ получилъ бы совершенно превратное представленіе о роли испольнаго найма во взаимныхъ отношеніяхъ русскихъ и киргизъ; не менѣе невѣрными оказались бы его заключенія относительно арендныхъ цѣнъ и т. п. Отъ всѣхъ этихъ ошибокъ можетъ избавить его только интерпретація документовъ при помощи указаній историческаго преданія, олицетворяемаго, въ данномъ случаѣ, статистическими «сборниками».

Нѣчто аналогичное окажется и въ непосредственно занимающей насъ области эволюціи формъ общинно-уравнительнаго пользованія.

Чтобы сдѣлать послѣдующее болѣе понятнымъ, я долженъ отмѣтить нѣкоторыя подробности, которыхъ я не касался въ предыдущемъ изложеніи; я долженъ именно упомянуть о томъ, что въ Сибири, какъ и среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ Европейской Россіи, переверстки платежей и передѣлы пахотныхъ земель,—гдѣ эти послѣдніе имѣли мѣсто!—пріурочивались къ ревизіямъ. Ревизская разверстка осталась дѣйствовать и послѣ X ревизіи,—она дѣйствовала и по истеченіи 15, 20, 25 лѣтъ, несмотря на все болѣе обострявшіяся съ каждымъ годомъ ея неудобства; она держалась потому, что среди крестьянъ, а въ значительной мѣрѣ и

среди мѣстной администраціи, существовала увѣренность въ томъ, что установленная ревизіею раскладка можетъ быть измѣнена только другою ревизіею. Потребовалось вмѣшательство сената, который въ 1884 году разъяснилъ право крестьянъ, не ожидая новой ревизіи, измѣнять внутреннюю разверстку платежей, а соотвѣтственно этому и распредѣленіе земли. Разъясненіе это, переходя отъ губернатора къ исправнику или крестьянскому чиновнику, отъ чиновника къ волостному писарю и т. д., почти вездѣ дошло до населенія въ такой формѣ, которая гораздо болѣе напоминала предписаніе, чѣмъ разъясненіе, причемъ администрація нерѣдко считала себя въ правѣ «рекомендовать» крестьянамъ даже тѣ или другіе способы разверстки и основанія передѣла. Имѣется не мало указаній и на частные случаи административнаго воздѣйствія, вызванные то желаніемъ начальства выдѣлить землю для причислявшихся къ сибирскимъ деревнямъ ссыльныхъ, то какъ-нибудь уладить внутри-общинныя распри или обезпечить болѣе исправное поступленіе податей. И не подлежитъ сомнѣнію—за разъясненіями 1884 года почти вездѣ послѣдовали новыя разверстки податей, во многихъ мѣстностяхъ—и коренные передѣлы; мало того—можетъ считаться установленнымъ, что во многихъ случаяхъ такого рода вмѣшательство правительственной власти непосредственно вызвало наступленіе или повтореніе передѣла тамъ, гдѣ для этого въ данное время еще вовсе не было внутренней необходимости: въ этомъ убѣждаютъ, независимо отъ анкетныхъ данныхъ мѣстнаго изслѣдованія, хотя бы приговоры о передѣлахъ, мотивированные исключительно ссылкою на «предписаніе г. чиновника по крестьянскимъ дѣламъ, въ которомъ сказано раздѣлить землю по душамъ»,— приговоры, притомъ, нерѣдко написанные по одной формѣ въ цѣлой волости или мировомъ участкѣ, иногда—даже одной рукою; а тѣмъ болѣе— документы вродѣ приговора, гдѣ находятся, между прочимъ, слѣдующія строки: «намъ было *повторено черезъ прочтеніе* предписаніе г. чиновника... относительно уравненія между собою надѣлами пахотной земли; согласно предложенію старосты и распоряженію г. чиновника, *по долгомъ между собою разсужденіи*, единогласно (sic) приговорили: нынѣ же раздѣлить пахотную землю по душамъ».

Мѣстное изслѣдованіе даетъ однако факты и другого рода: бывали случаи, когда крестьяне, несмотря на всѣ «повторныя прочтенія», оставались при своемъ отказѣ; или когда крестьяне, хотя и постановляли приговоры, но въ дѣйствительности оставались при прежнихъ, свободныхъ формахъ пользованія; или когда навязанный крестьянамъ передѣлъ послѣ немногихъ лѣтъ терялъ свое значеніе, и на мѣсто предписаннаго начальствомъ уравнительнаго пользованія вновь водворялся прежній захватъ.

Гораздо краснорѣчивѣе однако количественныя данныя о степени распространенности передѣловъ въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири. Сенатское разъясненіе 1884 г. съ послѣдовавшими за нимъ «циркулярами» и «предписаніями» распространялось на всѣ четыре сибирскія губерніи и Забайкальскую область. Если бы *въ немъ* была causa efficiens, вызвавшая появленіе

передѣловъ, то и послѣдствія его должны бы были быть болѣе или менѣе одинаковы на всемъ огромномъ протяженіи коренной Сибири. Въ дѣйствительности оказывается совсѣмъ не то. На западной, густо населенной и малоземельной окраинѣ Сибири (западъ Тобольской губерніи) за сенатскимъ разъясненіемъ вездѣ послѣдовали передѣлы—но въ громадномъ большинствѣ случаевъ это были *не первые*, а вторые, третьи и четвертые передѣлы, и только въ незначительномъ числѣ случаевъ «разъясненіе» ускорило наступленіе перваго передѣла—окончательный переходъ къ уравнительному пользованію. Въ очень многоземельныхъ, Томской и Енисейской, губерніяхъ передѣловъ какъ не было до «разъясненія», такъ не было и послѣ. Въ Иркутской губерніи изъ 20 зарегистрированныхъ мѣстнымъ изслѣдованіемъ случаевъ общаго поравненія 15, дѣйствительно, послѣдовало подъ непосредственнымъ вліяніемъ сенатскаго разъясненія; но всѣ эти 15 случаевъ относятся къ одной мѣстности, самой малоземельной во всей губерніи: здѣсь и до «разъясненія» шли толки о передѣлѣ, но крестьяне «не знали своихъ правовъ»,—значитъ «разъясненіе» только устранило препятствія, задерживавшія осуществленіе уже назрѣвшей мысли о передѣлѣ. Что касается, наконецъ, до Забайкальской области, то въ восточной ея половинѣ уравнительное пользованіе пахотными землями почти не встрѣчается—въ такомъ пользованіи даже у крестьянъ, не говоря о казакахъ, по даннымъ мѣстнаго изслѣдованія оказалось всего 4% пахотныхъ земель; напротивъ, у крестьянъ гораздо гуще населеннаго западнаго Забайкалья передѣляется уже четыре пятыхъ—79,8% всего количества пахотныхъ земель.

Мы знаемъ изъ предыдущаго изложенія, и только что приведенныя данныя о степени распространенности передѣловъ всецѣло это подтверждаютъ, что основной моментъ, лежащій въ основѣ эволюціи формъ пользованія землею отъ захвата къ передѣламъ,—это приростъ населенія и связанное съ нимъ «утѣсненіе», сокращеніе земельнаго простора. Воздѣйствіе администраціи, справедливо замѣчаетъ А. А. Чупровъ, «отражается только на темпѣ эволюціи: тамъ, гдѣ внутренній процессъ развитія формъ землепользованія не успѣлъ подготовить почвы для перехода къ душевому пользованію, тамъ администрація, несмотря на всѣ свои старанія, не могла добиться никакого результата». Распоряженія администраціи—развиваетъ ту же мысль изслѣдователь Забайкальской общины, М. А. Кроль—«въ иныхъ мѣстахъ являются послѣднимъ толчкомъ къ осуществленію давно назрѣвшей потребности въ поравненіи, и тогда, сыгравъ скромную роль такого толчка, начальственное предписаніе перестаетъ имѣть какое бы то ни было значеніе; тамъ же, гдѣ потребности въ уравнительномъ пользованіи еще нѣтъ, циркуляры очень рѣдко приводятъ къ дѣйствительнымъ поравненіямъ: передѣлы и поравненія наступаютъ только тогда, когда въ поравненіи заинтересовано значительное большинство членовъ общины, которые при раздѣлахъ земли ревниво слѣдятъ, чтобы всѣ малоземельные были удовлетворены по справедливости».

Далѣе, административное воздѣйствіе, гдѣ оно явилось не послѣднимъ

толчкомъ, а самостоятельнымъ, творческимъ моментомъ, на много лѣтъ ускорившимъ наступленіе передѣла, неизбѣжно должно было выразиться въ какомъ-нибудь рѣзкомъ скачкѣ, въ какомъ-либо переломѣ въ ходѣ развитія формъ пользованія, въ появленіи формъ, чуждыхъ общепринятымъ порядкамъ и привычкамъ населенія. Такъ, дѣйствительно, и происходило дѣло тамъ, гдѣ «предписаніе», въ самомъ дѣлѣ, на десятилѣтія ускорило естественную эволюцію: въ *такихъ* случаяхъ переходъ отъ чистаго захвата къ общему передѣлу совершался безъ всякой постепенности, и самыя формы передѣла нерѣдко не имѣли для себя никакихъ прецедентовъ въ мѣстныхъ порядкахъ уравнительнаго пользованія; въ одной мѣстности Тобольской губерніи, напримѣръ, производившіе передѣлъ наемные мѣрщики вели что-то вродѣ планшетной съемки самодѣльными «стрелябіями», разбивая весь надѣлъ, иногда не исключая выгоновъ, на сѣть правильныхъ квадратовъ. Въ видѣ общаго правила—мы знаемъ—дѣло шло совершенно иначе: первобытное захватное пользованіе смѣнялось ограниченнымъ захватомъ, затѣмъ появлялись отводы, постепенно принимавшіе форму отводовъ-отрѣзокъ; достигавшееся такимъ путемъ «частное поравненіе» приводило въ концѣ-концовъ къ «общему поравненію», за которымъ уже слѣдовалъ передѣлъ, по техникѣ имѣвшій много сходнаго съ простымъ «общимъ поравненіемъ»; переходъ съ одной ступени этой постепенной эволюціи на другую совершался такъ просто и естественно, этотъ переходъ такъ легко объясняется дѣйствіемъ внутреннихъ силъ, двигавшихъ эволюцію формъ пользованія и въ то же время создававшихъ земельную общину, что для объясненія этого перехода нѣтъ надобности и вводить въ учетъ такой искусственный факторъ, какъ административное давленіе. А главное—нѣтъ никакой возможности *уловить того момента*, когда административное воздѣйствіе могло бы сыграть приписываемую ему роль: *что*, въ самомъ дѣлѣ, было послѣдствіемъ предписаній? первое ограниченіе срока залежности? или первый отводъ? или первая отрѣзка? или общее поравненіе, послѣдовавшее за десятками частныхъ поравненій?...

И если это вѣрно по отношенію къ пахотнымъ землямъ, относительно которыхъ всетаки еще можно говорить о «первомъ передѣлѣ», то тѣмъ справедливѣе это по отношенію къ угодьямъ другихъ категорій, хотя бы, напримѣръ, къ покосамъ. Переходъ отъ первобытнаго вольнаго сѣнокошенія къ обычнымъ сибирскимъ формамъ ежегоднаго передѣла совершается, мы видѣли, черезъ рядъ столь неопредѣленныхъ промежуточныхъ формъ, что самое опредѣленіе момента, когда прекратилось вольное пользованіе и началось душевое, значитъ того момента, когда можно было бы предполагать административное вмѣшательство, становится окончательно невозможнымъ.

Весьма любопытныя данныя, могущія служить къ выясненію занимающаго насъ вопроса, добыты изслѣдованіемъ Забайкальской области: здѣсь зафиксированъ рядъ случаевъ, гдѣ возможность административнаго воздѣйствія исключалась самимъ существомъ вещей, или гдѣ уравнительное пользованіе установлялось вопреки закону и распоряженіямъ администраціи: какая

власть, въ самомъ дѣлѣ, могла заставить забайкальскихъ бурятъ «уравнивать» между собою тѣ покосы, которыми они пользуются на китайской территоріи? или могла требовать отъ крестьянъ передѣла тѣхъ угодій, которыя ими самовольно захвачены въ казенныхъ или чужихъ межевыхъ дачахъ? Можно ли говорить объ уравнительномъ пользованіи, какъ продуктѣ административнаго воздѣйствія, когда надѣленные землей *подворно* нерчинскіе горнозаводскіе крестьяне, въ отвѣтъ на предложеніе подворно же арендовать кабинетскія земли, ходатайствуютъ о сдачѣ имъ земли въ общее пользованіе подъ круговою порукою, причемъ «распредѣленіе земли между домохозяевами обязывались произвести по усмотрѣнію сельскаго схода?» И напротивъ—уравнительное пользованіе менѣе всего распространено у казаковъ, т.-е. какъ разъ у того разряда населенія Забайкальской области, которому законъ *предписываетъ* такое пользованіе: законъ, какъ и административныя велѣнія, оказался безсильнымъ навязать населенію передѣлъ, гдѣ земельный просторъ благопріятствовалъ сохраненію захватныхъ формъ, и наоборотъ, общинно-уравнительныя формы слагались безъ всякаго внѣшняго воздѣйствія, даже вопреки ему (передѣлы лѣсовъ въ западной Сибири прямо *запрещались* лѣснымъ вѣдомствомъ, какъ якобы вредные съ лѣсохозяйственной точки зрѣнія!), гдѣ находили благопріятную для себя почву въ общихъ условіяхъ землевладѣнія и хозяйства.

Я приглашаю опять читателя поставить себя въ положеніе историка XXII вѣка, которому пришлось бы возсоздавать эволюцію землевладѣнія и землепользованія въ Сибири на основаніи одного только архивнаго матеріала. Онъ опять-таки далъ бы, можетъ быть, совершенно вѣрную документамъ, но совершенно невѣрную дѣйствительности картину: онъ неизбѣжно запутался бы въ разныхъ формахъ первобытнаго захвата, а допускаемыя при этомъ переуступки земли, слѣды которыхъ разыскалъ бы въ документахъ, онъ неизбѣжно принялъ бы за доказательство существованія строго-подворнаго владѣнія; отъ него осталась бы скрытою вся та медленная эволюція формъ пользованія угодьями, которая не находила себѣ выраженія въ письменныхъ приговорахъ и не вызывала ни жалобъ, ни тяжбъ, ни вмѣшательствъ правительственной власти; онъ ничего не зналъ бы ни о случаяхъ категорическаго отказа населенія исполнить предписанія о передѣлѣ, ни о тѣхъ, когда постановлявшіеся приговоры оставались на бумагѣ. И для историка XXII вѣка, работающаго надъ однимъ архивнымъ матеріаломъ, было бы совершенно неизбѣжно видѣть въ исторіи общинно-уравнительнаго пользованія въ Сибири только рядъ административныхъ воздѣйствій, помощью которыхъ правительству удалось въ концѣ концовъ внѣдрить въ Сибири, несмотря на явное, мѣстами, нежеланіе и даже сопротивленіе населенія, совершенно чуждыя ему и не вытекавшія ни изъ какой внутренней необходимости формы пользованія землею. Изъ изложеннаго на предшествующихъ страницахъ ясно, какъ безконечно далеко отъ дѣйствительности было бы такое представленіе.

Совершенно то же мы видимъ, когда обращаемся въ область *настоя-*

щей исторіи,—исторіи крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія въ отдаленномъ прошломъ. Просматривая книгу В. В. «Къ исторіи общины въ Россіи», содержащую богатый архивный матеріалъ по исторіи формъ землепользованія у удѣльныхъ крестьянъ, или посвященныя данному вопросу главы «крестьянъ при Екатеринѣ II» В. И. Семевскаго, невольно испытываешь такое впечатлѣніе, что это—не исторія *общины*, а исторія *административныхъ мѣропріятій*, направленныхъ къ ея насажденію. Аналогичные факты въ изобиліи даетъ намъ и исторія четверныхъ крестьянъ, какъ ее изображаетъ, напримѣръ, Н. А. Благовѣщенскій: и здѣсь на первый взглядъ все дѣло сводится къ фантазіямъ и степени энергіи тѣхъ или другихъ представителей мѣстной администраціи, гдѣ «насадившихъ» общину, а гдѣ—ее искоренявшихъ.

Но даже и оставаясь въ предѣлахъ того же документальнаго матеріала (другимъ мы, въ данномъ случаѣ, уже не располагаемъ), нельзя не усомниться въ нашемъ правѣ обобщать не подлежащіе сомнѣнію факты административнаго воздѣйствія и тѣмъ болѣе—придавать имъ самостоятельно-творческое значеніе.

Прежде всего: въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ правительства нельзя усмотрѣть ничего похожаго на сколько-нибудь опредѣленную, планомѣрно-проводимую политику, направленную къ внѣдренію общиннаго землевладѣнія. Къ 1766 году относятся знаменитыя межевыя инструкціи, которымъ приписывается такая важная роль въ дѣлѣ созданія общины у государственныхъ крестьянъ, а въ 1767 году главная дворцовая канцелярія предписываетъ: «пашенною землею и угодьями, впредь до разсмотрѣнія канцеляріею, владѣть какъ до сего владѣли, и собою другъ у друга не отнимали бы и во владѣніе не вступали»; генералъ-губернаторъ Тутолминъ предписываетъ произвести поравненіе земель въ Олонецкой губерніи, а губернаторъ Державинъ отмѣняетъ его предписаніе и приказываетъ отбирать у крестьянъ приказы о передѣлѣ; въ Шенкурскомъ уѣздѣ приказъ дворцовой канцеляріи о производствѣ передѣла не приводится въ исполненіе въ виду распоряженія мѣстнаго губернатора «о не отниманіи отъ большетяглыхъ нынѣ имѣющихся за ними земель и о не отдачѣ малотяглымъ и нерадивымъ крестьянамъ».

И едва ли не съ еще большею яркостью эта невыдержанность и непослѣдовательность правительственной политики по занимающему насъ вопросу проявляется въ дѣятельности удѣльнаго вѣдомства, какъ она изображается въ работѣ г. В. В.: въ 1799 году департаментъ удѣловъ предписываетъ произвести передѣлъ, «включая въ сей общій раздѣлъ и тѣ земли, которыми нѣкоторые поселяне владѣютъ по купчимъ и закладнымъ, какъ по документамъ, уничтожающимся по закону», а въ 1802 году признаетъ себя «не въ правѣ уничтожать законно-совершенныя крѣпости и закладныя»; по одному представленію своихъ мѣстныхъ органовъ департаментъ отмѣняетъ начатый передѣлъ, по другому возстановляетъ его; удѣльная администрація «первоначально многократно повторяетъ свои при-

казы къ производству уравнительнаго раздѣла земель, а впослѣдствіи не только терпимо относится къ приговорамъ крестьянъ о сохраненіи за селеніями (рѣчь идетъ здѣсь о междуселенныхъ передѣлахъ! А. К.) прежнихъ владѣній, но даже сама поощряетъ ихъ къ этому»; одинъ и тотъ же удѣльный чиновникъ по одному и тому же дѣлу даетъ три совершенно противорѣчащихъ другъ другу предписанія. Въ документахъ г. В. В. имѣется немало указаній на «многократныя понужденія» къ передѣлу, на «угрозы, насилія и притѣсненія», даже на «битье и сажанье на цѣпь несогласныхъ»,—но приводятся и случаи, когда низшіе чиновники удѣльнаго вѣдомства собственною властью предписывали «начатый, но не оконченный раздѣлъ во всѣхъ частяхъ оставить», и т. п.

По справедливому замѣчанію А. Я. Ефименко, какъ во внутренней жизни крестьянъ, такъ и въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ центральнаго правительства и его мѣстныхъ органовъ «постоянно сталкиваются два правовыхъ принципа, не имѣющихъ между собой ничего общаго и другъ друга взаимно исключающихъ: съ одной стороны, право, держащееся на старинныхъ документахъ и другихъ законныхъ (точнѣе—облеченныхъ въ законныя формы. А. К.) основаніяхъ; съ другой стороны, тоже признанное закономъ право каждой ревизской души на извѣстное земельное обезпеченіе»,—отсюда и постоянныя колебанія правительственной политики, и разнообразнѣйшія злоупотребленія мѣстныхъ органовъ администраціи,—отсюда, въ частности, и та видная роль, какую играетъ «денежная» или «золотая молитва» въ исторіи отношеній органовъ администраціи къ вопросу о передѣлахъ: эта «золотая молитва» приносилась то сторонниками передѣла, то его противниками, то тѣми и другими одновременно, и была, несомнѣнно, одною изъ существенныхъ причинъ, обусловливавшихъ иногда чрезмѣрно активное сочувствіе, иногда рѣшительное противодѣйствіе мѣстныхъ органовъ администраціи уравнительному движенію.

Но нельзя не замѣтить здѣсь прежде всего, что по части «денежной молитвы» широкодачники—зажиточные противники передѣла всегда имѣли перевѣсъ передъ добивавшеюся послѣдняго бѣднотой. А главное: вѣдь даже эта борьба взятками,—это не что иное, какъ проявленіе во-внѣ борьбы за передѣлъ, происходившей издавна внутри общинъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ. И даже оставляя въ сторонѣ вопросъ о взяткѣ: постоянныя колебанія во взглядахъ правительственной власти въ вопросѣ о передѣлахъ въ значительной мѣрѣ вытекали изъ того обстоятельства, что правительственное вмѣшательство въ ту или другую сторону было не болѣе, какъ откликомъ на издавнюю борьбу между сторонниками и противниками передѣла. Уже наказы крестьянъ въ Екатерининской коммиссіи, обработанные В. И. Семевскимъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что «начиная съ 60-хъ годовъ XVIII вѣка, малоземельные крестьяне сѣверной Россіи добивались передѣловъ земли, и что правительственныя мѣры были лишь отвѣтомъ на настоятельныя просьбы крестьянъ, нуждавшихся въ болѣе уравнительномъ пользованіи землею. Администрація въ принудительномъ

веденіи передѣла видѣла единственный способъ «для отвращенія неустройствъ и взаимныхъ распрей», для «пресѣченія буйствъ и дальнѣйшихъ опасныхъ непріятностей». Но «распри» и «непріятности» исходили и отъ сторонниковъ, и отъ противниковъ передѣла. Въ центральныя и мѣстныя учрежденія поступали то прошенія малоземельныхъ, весьма убѣдительно доказывавшихъ необходимость передѣла,—за такими прошеніями слѣдовали распоряженія и настоянія о производствѣ поравненія; то оставленныя также весьма существенными аргументами и формальнаго, и хозяйственнаго характера (право труда!) жалобы широкодачниковъ на нарушеніе ихъ исконныхъ правъ на разработанныя ими угодья,—и сдѣланное распоряженіе о передѣлѣ ограничивалось или уничтожалось новымъ распоряженіемъ, отмѣнявшимъ передѣлъ, или исключавшимъ изъ него расчистки и крѣпостныя земли.

Далѣе: самое содержаніе правительственныхъ распоряженій, если не всегда, то во многихъ случаяхъ, несомнѣнно заимствовалось изъ жизни, изъ дѣйствительно практиковавшихся порядковъ уравнительнаго пользованія. «Циркуляръ 29 февраля 1812 года объ уравненіи землепользованія,—читаемъ мы въ офиціальной «Исторіи удѣловъ»,—исходилъ изъ того положенія, что крестьяне, *какъ извѣстно по опыту* (курс. мой. *А. К.*), сами знали качество состоявшихъ въ ихъ пользованіи угодій и при помощи простыхъ пріемовъ уравнительно разверстывали ихъ между собой, не нуждаясь въ этомъ отношеніи въ руководительствѣ чиновниковъ». И достаточно взять, напримѣръ, напечатанное въ работѣ г. В. В. наставленіе о порядкѣ производства передѣловъ, составленное Вельскимъ нижнимъ земскимъ судомъ, чтобы увидѣть, что изложенныя здѣсь подробнѣйшія указанія касательно техники передѣловъ были не теоретическимъ измышленіемъ его полуграмотныхъ канцеляристовъ, а точнымъ сколкомъ съ пріемовъ уравненія земли, уже фактически примѣнявшихся въ данной мѣстности крестьянами. Или еще одна любопытная категорія свидѣтельствъ—правительственныя распоряженія, направленныя къ *запрещенію* или *ограниченію* передѣловъ: въ одномъ, также приводимомъ у В. В., циркулярѣ департамента удѣловъ говорится объ обычныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ежегодныхъ передѣлахъ, практикуемыхъ «не по какой-либо необходимости, но безъ всякой цѣли, единственно токмо по укоренившемуся издавна обычаю, съ явнымъ ущербомъ для успѣховъ земледѣлія вообще и для крестьянъ въ частности», и предписывается на будущее время допускать передѣлы только при ревизіяхъ. Можно допустить, что «издавна установившіеся обычаи» изобрѣтались принципіальными сторонниками передѣла; но уже никакъ нельзя допустить, чтобы такіе обычаи сочинялись спеціально только для того, чтобы запретить примѣненіе сочиненнаго обычая; *такого* рода свидѣтельства, поэтому, могутъ быть признаны за несомнѣнное доказательство того, что передѣлы въ извѣстномъ районѣ дѣйствительно существовали,—существовали притомъ не только внѣ зависимости отъ какого-либо административнаго воздѣйствія, но даже вопреки послѣднему.

Я коснусь теперь еще, мимоходомъ, вопроса о роли системы податнаго обложенія въ числѣ факторовъ, направившихъ въ извѣстную сторону эволюцію формъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія. Извѣстно, какая роль приписывается въ этомъ отношеніи подушной подати. «Спрашивается однако,—справедливо замѣчаетъ по этому поводу г. В. В.,—есть ли это единственный или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе легкій способъ обезпеченія исправнаго поступленія податей? Не было ли бы умѣстнѣе, не производя радикальной ломки порядковъ частновладѣльческаго владѣнія землей, настоять на томъ, чтобы раскладка государственныхъ податей производилась внутри общины (тяглой) не по числу душъ, а по количеству владѣемой каждымъ земли,—система, извѣстная населенію по прежней практикѣ»; это было бы не только проще, но съ чисто финансовой точки зрѣнія и гораздо цѣлесообразнѣе: въ этомъ случаѣ получилась бы разверстка платежей по дѣйствительной хозяйственной силѣ, а слѣдовательно и платежеспособности, тогда какъ, навязывая передѣлъ, правительство тѣмъ самымъ ослабляло лучшихъ плательщиковъ и создавало новыхъ плательщиковъ съ болѣе или менѣе сомнительною или, по крайней мѣрѣ, проблематическою платежною способностью. «И если,—продолжаетъ г. В. В.,—государство громадно усложнило дѣло, потребовавъ, чтобы вмѣстѣ съ переложеніемъ платежей было произведено и уравненіе крестьянскихъ земельныхъ участковъ,—то не произошло ли это потому, что идея уравненія находилась въ согласіи съ желаніями массы крестьянъ? Что, предписывая передѣлы, правительство удовлетворяло не только (и даже не столько! А. К.) требованіямъ фиска, но и уяснившимся экономическимъ нуждамъ населенія», шло навстрѣчу господствовавшему въ средѣ его теченію? И справедливость этихъ теоретическихъ соображеній всецѣло подтверждается данными мѣстныхъ изслѣдованій въ Сибири: въ такихъ многоземельныхъ мѣстностяхъ, какъ Томская или Енисейская губерніи, стремленіе крестьянскихъ общинъ привести податное бремя въ соотвѣтствіе съ размѣрами пользованія землей выражалось не въ распредѣленіи угодій соразмѣрно платежамъ, а въ раскладкѣ платежей пропорціонально посѣвамъ, скотоводству,—вообще размѣрамъ землепользованія и благосостоянію; въ частности «разъясненія» 1884 года привели въ Енисейской губерніи не къ земельнымъ передѣламъ, а къ поимущественно-поземельной раскладкѣ платежей. Переходъ же къ уравнительному землепользованію совершался только тамъ, гдѣ того требовали общія условія землевладѣнія и, главнымъ образомъ, наступившее земельное «утѣсненіе».

Поставимъ однако вопросъ нѣсколько болѣе принципіально: попытаемся выяснить, каковы *могли быть* практическія послѣдствія правительственнаго воздѣйствія, какъ оно имѣло мѣсто въ XVIII или началѣ XIX вѣка, не говоря уже о болѣе раннихъ временахъ, на формы крестьянскаго землепользованія? *Могло ли* такое воздѣйствіе, въ условіяхъ русскаго прошлаго, привести къ *дѣйствительной* ломкѣ? Былъ ли, иначе сказать, правительственный аппаратъ XVIII или начала XIX вѣка доста-

точно силенъ, чтобы навязать крестьянской жизни новыя и чуждыя ей формы? Вѣдь извѣстно, что еще и въ настоящее время, несмотря на сравнительное совершенство современнаго правительственнаго механизма, правительство безсильно бороться съ вытекающими изъ хозяйственной необходимости процессами народной жизни,—достаточно напомнить о тщетной борьбѣ правительства, въ теченіе трехъ десятковъ лѣтъ, съ переселенческимъ движеніемъ, о фіаско закона о семейныхъ раздѣлахъ и т. п., наконецъ, о крайне слабомъ, какъ мы видѣли, вліяніи административнаго воздѣйствія на земельно-платежные порядки въ Сибири. Тѣмъ менѣе была мыслима какая-либо существенная ломка въ XVIII вѣкѣ, съ его слабою по составу, невѣжественною и продажною администраціею, которой высшіе представители откровенно признавались въ совершенномъ незнакомствѣ съ тѣми явленіями, которыя будто бы складывались и видоизмѣнялись по ихъ иниціативѣ, и которой мѣстные агенты за «золотую молитву» съ одинаковымъ усердіемъ поддерживали и сторонниковъ, и противниковъ передѣла. И въ особенности немыслима была такая ломка въ сѣверныхъ губерніяхъ, съ ихъ крайне рѣдкимъ населеніемъ, самая изолированность котораго, среди дремучихъ лѣсовъ и болотъ, отнимала у правительственныхъ «воздѣйствій» почти всякое практическое значеніе. И дѣйствительно—въ той же работѣ В. В. приводятся десятки фактовъ, когда крестьяне, несмотря на всѣ воздѣйствія, оставались при старыхъ, захватныхъ формахъ, и ихъ упорное сопротивленіе заставляло администрацію, въ концѣ-концовъ, отмѣнять свои распоряженія и санкціонировать сохраненіе старыхъ, захватныхъ формъ. А изъ исторіи четвертныхъ крестьянъ извѣстны случаи, когда «настоянія» начальства оказывали воздѣйствіе противоположное тому, какое ожидалось: четвертные владѣльцы, сами собой дошедшіе до передѣла сѣнокосовъ, прекращали этотъ передѣлъ и принимались снова косить «по дворамъ», «убоявшись» не въ мѣру горячей пропаганды душевого раздѣла присланнымъ къ нимъ для того чиновникомъ. И это въ то время, когда въ другой мѣстности несочувствовавшій передѣлу, всесильный, по тѣмъ временамъ, окружной начальникъ оказался безсильнымъ пріостановить дѣйствіе циркуляра, разъяснявшаго право четвертныхъ владѣльцевъ переходить къ душевому пользованію.

Почему же, спрашивается, правительственное воздѣйствіе въ однихъ случаяхъ дѣйствительно приводило къ передѣламъ, въ другихъ разбивалось объ упорное сопротивленіе крестьянъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ: передѣлы осуществлялись тамъ, гдѣ среди общины, или точнѣе—среди достаточно сильной группы общинниковъ, «выработалось міровоззрѣніе, что вся земля принадлежитъ міру, что міръ имѣетъ право раздѣлить ее какъ угодно»,—гдѣ поэтому «достаточно было незначительнаго толчка, чтобы ветхое зданіе прежней формы землевладѣнія рухнуло и замѣнилось душевымъ поравненіемъ», гдѣ «бумага» сыграла только роль «искры, упавшей на порохъ», гдѣ на осуществленіи передѣла настаивали малоземельные крестьяне, осаждавшіе своими жалобами начальство. И всѣ приказы,

циркуляры и настоянія, до битья и сажанья на цѣпь включительно, оставались мертвою буквой, когда «община не доразвилась до извѣстной ступени, такъ сказать предусмотрѣнной законами эволюціи», когда «идея уравнительнаго раздѣла земель еще не достаточно назрѣла», когда сторонники передѣла «подчинялись общему рѣшенію» (очевидно, рѣшенію противниковъ. А. К.), чтобы избѣжать «одного на другого вчиняемыхъ исковъ» *),—другими словами, когда нужда въ землѣ была еще не достаточно остра, и потому сторонники передѣла готовы были ради устраненія распрей и тяжбъ пожертвовать своими притязаніями. И уже Б. Н. Чичеринъ, въ которомъ по нѣкоторому, какъ мнѣ кажется, недоразумѣнію видятъ родоначальника «государственной» теоріи происхожденія русской земельной общины, опредѣленно указалъ на первопричину, обусловливающую въ однихъ случаяхъ одну, въ другихъ другую судьбу вопроса о передѣлѣ: «передѣлъ земли,— говорилъ Чичеринъ, — можетъ установиться только тогда, когда земли становится мало, а люди не могутъ уходить съ мѣста и искать новыхъ поселеній». Этихъ условій не было налицо въ XVI вѣкѣ, а потому, «гдѣ же тутъ было образоваться передѣлу?» Но «съ умноженіемъ населенія въ общинѣ, при невозможности перехода, должно было неизбѣжно установиться неравенство,—слѣдовательно, для возстановленія первоначальнаго нормальнаго отношенія необходимъ былъ передѣлъ земель».

Вопросъ такимъ образомъ только въ томъ, существовала ли на сѣверѣ Европейской Россіи въ эпоху межевыхъ инструкцій и послѣдовавшихъ за ними мѣропріятій, направленныхъ къ «насажденію» общинно-уравнительной разверстки земли, готовая почва для развитія этихъ формъ? Имѣлась ли здѣсь налицо та степень населенности и земельнаго утѣсненія, на которой возникшее неравенство въ землепользованіи можетъ быть устранено лишь посредствомъ передѣла? Повидимому, нѣтъ. При необъятномъ просторѣ русскаго сѣвера каждый, у кого не хватало земли, могъ свободно расширять свое землепользованіе путемъ простой заимки, свободнаго захвата и расчистки угодій. Правда, этотъ необъятный, пока мы говоримъ о «пространствахъ», просторъ сопровождался весьма ощутительнымъ «утѣсненіемъ» въ отношеніи культурныхъ угодій—готовыхъ пашенъ и покосовъ; все, что оставалось и остается свободнымъ для заимки,—это были лѣса, требовавшіе громаднаго труда для расчистки и обращенія подъ угодья. Но населеніе русскаго сѣвера получило въ этомъ отношеніи, если можно такъ выразиться, совсѣмъ особое воспитаніе, въ основѣ котораго лежали вѣковыя традиціи подсѣчнаго хозяйства: оно не боится никакого лѣса, не останавливается ни передъ какою трудностью расчистки,—и благодаря этому здѣсь получалась нѣсколько своеобразная комбинація условій: для захватнаго пользованія уже разработанными угодьями затраченный трудъ создавалъ прочную обычно-правовую основу; а между тѣмъ

*) Слова въ ковычкахъ принадлежатъ гг. В. В. и Благовѣщенскому.

трудность расчистки новыхъ угодій утрачивала свое значеніе рѣшающаго аргумента въ пользу притязаній сторонниковъ «поравненія».

Справедливо или нѣтъ это, конечно, гипотетическое объясненіе, но фактъ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію: готовой почвы для дѣйствительнаго укорененія уравнительнаго пользованія въ то время не было; какъ констатируетъ г. В. В., сѣверная община «оказалась не въ силахъ сама справиться со всѣми затрудненіями нравственнаго, юридическаго и экономическаго характера, стоявшими на пути введенія общихъ передѣловъ земли». Не оказалось въ силахъ этого сдѣлать и правительственное вмѣшательство: въ данномъ районѣ и въ данную эпоху оно было, несомнѣнно, преждевременнымъ, ибо существовалъ еще полный просторъ для расчистокъ, для образованія новыхъ починковъ, вообще для разселенія, — тотъ самый просторъ, который Б. Н. Чичеринъ совершенно правильно считаетъ рѣшительнымъ противопоказаніемъ противъ передѣла, — и потому захватныя формы пользованія еще сохраняли законное право на существованіе. Если поэтому исторія землевладѣнія на русскомъ сѣверѣ что-нибудь доказываетъ въ занимающемъ насъ вопросѣ, то *не творческую роль* административнаго воздѣйствія, а наоборотъ, *его безсиліе* тамъ, гдѣ оно не находило для себя подготовленной почвы, гдѣ оно не шло навстрѣчу естественной эволюціи формъ пользованія землею. Вѣдь даже и по настоящее время, по истеченіи столѣтія со времени межевыхъ инструкцій и послѣдовавшихъ за ними правительственныхъ мѣропріятій въ данномъ направленіи, захватныя формы еще весьма распространены, если не господствуютъ, на сѣверѣ Россіи; еще въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія сѣнокосныя расчистки въ Вологодской губерніи, какъ извѣстно изъ работъ Соколовскаго, Щепотьева, Лалоша и т. п., вводились въ надѣлы въ качествѣ участковъ подворнаго владѣнія, и потребовался извѣстный Трироговскій циркуляръ, чтобы измѣнить дѣйствовавшій въ этомъ отношеніи порядокъ; а на сѣверовостокѣ той же губерніи захватное пользованіе, мѣстами, сохранилось и до нашихъ дней въ совершенно чистомъ видѣ. На сѣверѣ Россіи, поэтому, межевыя инструкціи и послѣдовавшія за ними дальнѣйшія мѣропріятія дѣйствительно были—употребляя выраженіе А. Я. Ефименко—«декретами конвента», ломавшими жизнь и навязывавшими ей такія формы, для которыхъ не было еще въ наличности соотвѣтствующихъ условій. Но *именно потому* они и остались, въ значительной мѣрѣ, безрезультатными. А если въ извѣстномъ числѣ частныхъ случаевъ «декреты конвента» и произвели насиліе надъ жизнью, если они, дѣйствительно, вызвали преждевременное наступленіе передѣловъ, то отсюда еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы *русская земельная община*, какъ таковая, была продуктомъ такихъ «декретовъ».

Въ той же работѣ г. В. В. мы находимъ и чрезвычайно цѣнныя указанія на основной источникъ очень распространеннаго въ данномъ отношеніи ошибочнаго взгляда: «крайній недостатокъ относящагося сюда фак-

тическаго матеріала», и мало того—неизбѣжную, вытекающую изъ самаго существа вещей, его односторонность. «Наши свѣдѣнія,—говоритъ, напримѣръ, г. В. В.,—о ходѣ перваго уравненія земли среди удѣльныхъ крестьянъ Вологодской губерніи, заимствованныя изъ дѣлъ центральнаго учрежденія удѣловъ, заканчиваются приблизительно серединой перваго десятилѣтія восьмисотыхъ годовъ. Это значитъ, что возникавшія позже этого времени недоразумѣнія при раздѣлѣ разрѣшались на мѣстахъ и не восходили на разсмотрѣніе департамента удѣловъ». Иначе сказать: г. В. В. удалось найти матеріалъ лишь для тѣхъ моментовъ въ исторіи вопроса о поравненіи, гдѣ возникали недоразумѣнія и гдѣ эти недоразумѣнія восходили до центра; о тѣхъ случаяхъ, гдѣ недоразумѣній не было, изслѣдователь, работавшій въ архивахъ, никакими свѣдѣніями не располагаетъ. Въ другомъ мѣстѣ г. В. В. указываетъ на то, что его матеріалы, изобилуя данными о междуселенныхъ передѣлахъ, «весьма бѣдны свѣдѣніями относительно разверстки земли между хозяевами одного селенія; причины сказаннаго,—говоритъ г. В. В.,—надлежитъ видѣть въ мирномъ характерѣ этого акта, въ отсутствіи такихъ споровъ и недоразумѣній, которые требовали бы вмѣшательства администраціи»; значитъ, изслѣдователь знаетъ о тѣхъ фактахъ, гдѣ имѣло мѣсто вмѣшательство администраціи, и ничего не знаетъ о тѣхъ, которые протекали при отсутствіи споровъ и недоразумѣній. Или обобщая сказанное: *при мирномъ, спокойномъ теченіи эволюціи формъ крестьянскаго землевладѣнія, отдѣльные моменты этой эволюціи остаются неизвѣстными изслѣдователю, работающему надъ архивнымъ матеріаломъ, потому что отъ нихъ не остается никакихъ документальныхъ слѣдовъ;* документъ возникаетъ лишь тогда, слѣдовательно, работающій въ архивѣ историкъ только тогда можетъ установить наличность того или иного факта, когда возникли распри, затрудненія или недоразумѣнія, когда, такъ или иначе, имѣли мѣсто судьбища, обращенія къ начальству или его вмѣшательство въ крестьянскіе земельные распорядки.

Въ самомъ дѣлѣ: даже и въ настоящее время—мы видѣли—документальный матеріалъ далъ бы совершенно превратное представленіе о той «живой исторіи общины», которой посвящена главная часть настоящаго очерка. Лишь интерполируя весьма неполныя и далеко не всегда ясныя указанія документовъ въ богатые ряды фактовъ, установленныхъ описательнымъ путемъ, изслѣдователь этой «живой исторіи» получаетъ возможность построить болѣе или менѣе полную и—надо думать—достаточно близкую дѣйствительности картину эволюціи формъ землевладѣнія и землепользованія, совершенно непохожую на тѣ каррикатурные контуры, какіе могли бы быть очерчены, если бы исходить изъ одного только документальнаго матеріала. И это—въ концѣ XIX вѣка, при сравнительно большомъ распространеніи грамотности, при наличности опредѣленныхъ требованій закона относительно записи приговоровъ, при существованіи сравнительно интенсивнаго правительственнаго надзора, гораздо чаще вмѣ-

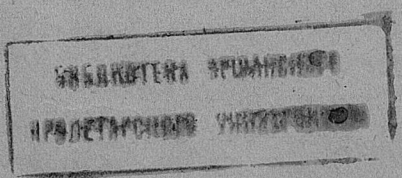
шивающагося въ крестьянскую жизнь, гораздо чаще реагирующаго на нее и притомъ—всегда въ письменной формѣ. Что же сказать о *настоящей* исторіи общины, какъ она разыгрывалась въ XVIII, XVI или XIV вѣкѣ? Я оставлю совершенно въ сторонѣ вопросъ, были ли, или нѣтъ передѣлы пахотныхъ земель въ XVI или XVII столѣтіи,—я лично считаю болѣе вѣроятнымъ, что ихъ не было; или какъ происходилъ, въ дѣйствительности, переходъ отъ захватныхъ къ уравнительнымъ формамъ пользованія. Меня интересуетъ въ данную минуту чисто методологическій вопросъ: *можно ли надѣяться возстановить по документальнымъ матеріаламъ дѣйствительный складъ и дѣйствительный ходъ эволюціи формъ землепользованія* въ XVI, XVII или XVIII столѣтіи? По моему разумѣнію на этотъ вопросъ приходится дать категорически-отрицательный отвѣтъ. При отсутствіи какихъ-либо опредѣленныхъ требованій закона, при болѣе или менѣе поголовной безграмотности, даже коренной передѣлъ далеко не всегда или вѣрнѣе—очень рѣдко могъ оставить за собой какой-нибудь документальный слѣдъ—чаще всего онъ долженъ былъ происходить (какъ иногда происходитъ и по сейчасъ!), по простому, ничѣмъ неоформленному соглашенію; и уже окончательно—*это* можно утверждать съ полною увѣренностью!—не могли оставить никакого документальнаго слѣда такіе факты внутриобщинной жизни, какъ ежегодный передѣлъ покосовъ, какъ въ особенности тѣ ограниченія захвата, тѣ отводы, отрѣзки и прирѣзки, помощью которыхъ происходитъ естественный переходъ отъ чистаго захвата къ уравнительному пользованію, а тѣмъ болѣе—какъ неуловимыя переходныя ступени отъ вольнаго пользованія къ ежегодному передѣлу сѣнокосовъ,—явленія, которыя и въ настоящее время протекаютъ, не оставляя за собою никакого документальнаго слѣда. Если возникали документы, касающіеся того или другого момента въ ходѣ занимающей насъ эволюціи, то это именно потому, что данный моментъ вызвалъ споръ или жалобу, что данный моментъ обусловленъ вмѣшательствомъ начальства; документы являются и останутся характерными *только* для такихъ ненормальныхъ моментовъ, и не даютъ права на какія бы то ни было заключенія относительно того, что происходило, такъ сказать, въ промежуткахъ между жалобами, спорами и вмѣшательствами правительственной власти.

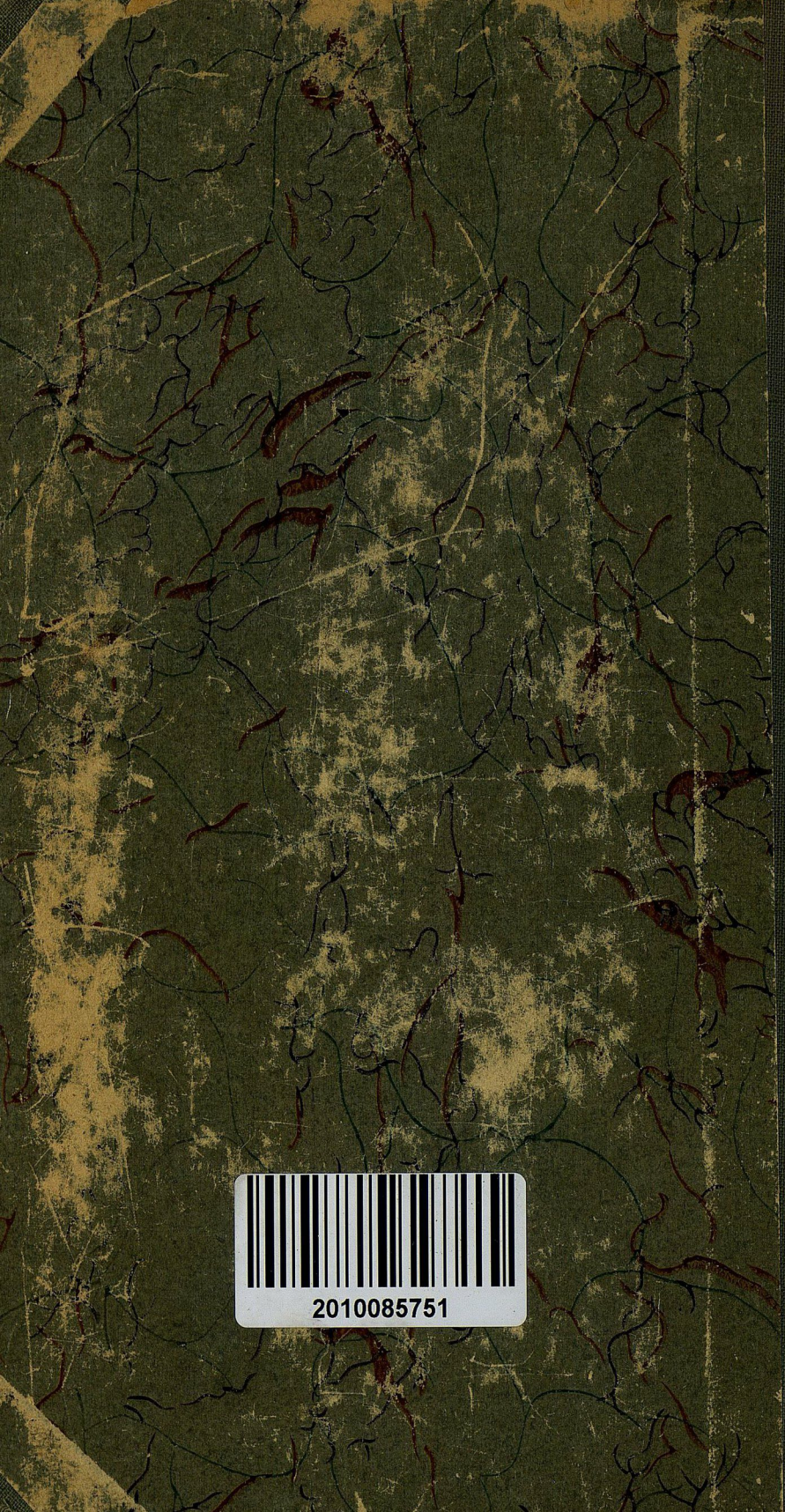
Приведу авторитетное свидѣтельство изъ нѣсколько иной области. «Старинные кодексы,—говоритъ М. М. Ковалевскій, разбирая вопросъ о происхожденіи индійской общины,—являются скорѣе сборниками религіозныхъ и нравственныхъ правилъ, нежели сводомъ всѣхъ дѣйствующихъ у извѣстнаго народа обычаевъ и формъ. Ихъ цѣль—*не столько кодифицировать обычное право, сколько свести воедино массу измѣненій, внесенныхъ въ него верховною властью* (курс. мой. *А. К.*) подъ вліяніемъ требованій, предъявляемыхъ ей привилегированными сословіями и прежде всего—духовенствомъ. При такихъ условіяхъ,—заключаетъ г. Ковалевскій,—не удивительно, если повседневныя явленія обыденной жизни менѣе всего останавливаютъ

на себѣ вниманіе законодателей, и регулирующіе ихъ обычаи не входятъ вовсе въ составляемые ими своды, продолжая жить попрежнему во внутреннихъ распорядкахъ отдѣльныхъ общинъ и родовъ». То же, въ существѣ, можно сказать и о документахъ, по которымъ приходится изучать древнюю исторію русской общины. Нормальная жизнь протекала въ видѣ правила въ установленномъ тѣмъ или другимъ, старымъ или вновь вырабатываемымъ, обычаемъ порядкѣ, въ видѣ правила не оставляя за собою никакихъ письменныхъ слѣдовъ. Документъ возникалъ именно тогда и, въ видѣ правила, *только* тогда, когда нормальное развитіе «внутреннихъ распорядковъ отдѣльныхъ общинъ» осложнялось тѣмъ или инымъ вмѣшательствомъ правительственной власти,—вмѣшательствомъ, и здѣсь весьма часто вытекавшимъ изъ «требованій, предъявляемыхъ привилегированными сословіями»: правительственная власть вмѣшивалась либо чтобы оградить обширные захваты зажиточнаго меньшинства, либо чтобы отстоять права и интересы представителей городского класса, церквей и монастырей, пріобрѣвшихъ освоенную отдѣльными общественниками землю. Письменный документъ—этотъ единственный источникъ, надъ которымъ приходится оперировать историку, только потому и существуетъ, что въ извѣстномъ случаѣ имѣло мѣсто вмѣшательство правительственной власти или обращеніе къ этой власти; происходили ли, или нѣтъ, какія-нибудь событія, не связанныя съ такимъ вмѣшательствомъ ни какъ съ причиною, ни какъ со слѣдствіемъ, — во всякомъ случаѣ такія событія, въ видѣ правила, не могли оставить за собой документальнаго слѣда, а потому отсутствіе такихъ слѣдовъ не можетъ доказывать ни существованія, ни несуществованія событій; эти послѣднія остаются не доказанными, но и не опровергнутыми отсутствіемъ документовъ. Эти событія, въ занимающемъ насъ случаѣ проявленія естественной эволюціи формъ землепользованія, могли бы быть изучаемы лишь по даннымъ исторической традиціи; но если не считать единичныхъ, крайне отрывочныхъ и не всегда ясныхъ показаній, исторія формъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія такими данными не располагаетъ и, надо думать, не будетъ располагать. А пока она ими не располагаетъ, всякія дальнѣйшія изслѣдованія, сколько бы ни удалось еще разыскать документовъ, будутъ давать *неизбѣжно* неполные и *неизбѣжно* односторонніе, въ выясненномъ выше направленіи, результаты.

На этомъ заканчиваются тѣ историко-методологическія соображенія, которыми мнѣ хотѣлось заключить эти краткіе очерки. Цѣль ихъ была— ближе выяснить значеніе «живой исторіи» современности для освѣщенія явленій давняго прошлаго, показать, что, изучая «живую исторію», мы пріобрѣтаемъ ключъ къ уясненію гораздо болѣе широко поставленныхъ общихъ вопросовъ, мы уясняемъ себѣ путь къ гораздо болѣе широкимъ обобщеніямъ. Изучая «живую исторію», мы примѣняемъ къ изученію исторіи давняго прошлаго тотъ самый «методъ переживаній», который рекомендуется М. М. Ковалевскимъ: чтобы пополнить пробѣлы, оставляе-

мые документальными источниками, «мы обращаемся къ изученію дѣйствующихъ въ наше время обычаевъ и обрядовъ съ цѣлью найти въ нихъ какіе-нибудь слѣды исторической старины». Но *предѣлы убѣдительности* тѣхъ заключеній, къ которымъ приводитъ пользованіе этимъ методомъ, приходится признать довольно ограниченными. Изучая живую исторію, примѣняя методъ переживаній, мы можемъ съ достаточною—мнѣ кажется—научною объективностью придти къ тому заключенію, что эволюція формъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія и въ прошломъ не могла быть продуктомъ административнаго воздѣйствія, что это послѣднее могло играть и здѣсь лишь болѣе или менѣе случайную, болѣе или менѣе побочную роль, что оно могло, въ извѣстныхъ случаяхъ, только ускорять естественную эволюцію, но не въ состояніи было навязать крестьянской жизни чуждыя и нежелательныя ей формы. Но наше положеніе станетъ гораздо болѣе рискованнымъ, если мы пойдемъ дальше этого чисто отрицательнаго заключенія, если мы захотимъ путемъ приложенія метода переживанія достигнуть и положительныхъ заключеній, если, въ частности, мы будемъ пытаться этимъ способомъ реконструировать картину дѣйствительной эволюціи крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія въ нашемъ отдаленномъ прошломъ, а тѣмъ болѣе если мы этимъ методомъ захотимъ выяснять причины интересующей насъ эволюціи. Я лично думаю, что, при полномъ тожествѣ условій, эволюція крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія въ Европейской Россіи должна была идти, въ общихъ чертахъ, тѣмъ же путемъ, какимъ она еще и въ настоящее время идетъ на нашихъ многоземельныхъ окраинъ. Но я не могу не сознавать, что такого рода основанное на аналогіи заключеніе будетъ убѣдительно только для того, кто такъ или иначе предрасположенъ къ теоріи самопроизвольнаго зарожденія и развитія формъ общиннаго землевладѣнія и землепользованія.

2010085751